УДК 340.1
ББК 67.0я73

Н. А. Пьянов
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России
Я. Н. Казанков
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

О ПОЗНАНИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются внешняя и внутренняя стороны процесса применения права и соответственно его процедурные и функциональные стадии. Акцентируется внимание на внутренней стороне процесса применения права и его функциональных стадиях, которые позволяют определить, из каких необходимых действий складывается правоприменительная деятельность и какие из них носят познавательный характер. При этом познание в правоприменительной деятельности характеризуется как разновидность специально-практического познания, которому присущи определенные специфические черты.

Ключевые слова: правоприменительная деятельность; правоприменительный процесс; производство юридического дела; процедурные стадии; механизм применения права; функциональные стадии; установление фактических обстоятельств; юридическая оценка фактических обстоятельств; специально-практическое познание.

N. A. Pyanov
Ph. D. in Law, Ass. Professor
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
Ya. N. Kazankov
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

ON COGNITION IN LAW ENFORCEMENT

The authors analyze the external and the internal aspects of the law enforcement process and, correspondingly, its procedural and functional stages. They stress the internal aspect of law enforcement and its functional stages that allow to determine the actions necessary to compose the law enforcement activity including those with cognitive characteristics. At the same time, the authors describe cognition in law enforcement as a type of special practical cognition which has its own specific features.

Keywords: law enforcement; the process of law enforcement; juridical procedure; procedural stages; law enforcement mechanism; functional stages; establishment of factual circumstances; legal evaluation of factual circumstances; special practical cognition.

В отечественной юридической науке вопросам познания в правоприменительной деятельности посвящено немало работ. В основном это работы по уголовному и гражданскому процессам. Однако вопросы познания в правоприменительной деятельности нуждаются и в общетеоретических исследованиях, что позволит, с одной стороны, обобщить имеющийся в отраслевых юридических науках материал, а с другой, создать общую теорию познания в правоприменительной деятельности. Вместе с тем на сегодняшний день работы, в которых вопросы познания в правоприменительной деятельности были бы рассмотрены в обобщенном виде, практически отсутствуют, хотя по отдельным вопросам этой проблемы некоторые исследования все же имеются. В настоящей статье с общетеоретических позиций разберем только самые общие вопросы познания в правоприменительной деятельности.

© Н. А. Пьянов, Я. Н. Казанков, 2014

Прежде всего, выясним, с какими действиями правоприменительных органов связана познавательная деятельность при применении норм права, тем более что данный вопрос не имеет в отечественной юридической литературе единообразного решения. Так, одни исследователи считают, что познавательную деятельность при применении норм права составляют действия, связанные лишь с установлением фактических обстоятельств юридического дела. По мнению других, к познавательной деятельности правоприменителей относятся не только действия по установлению фактических обстоятельств дела, но и действия, связанные с их юридической оценкой. Наконец, третьи исходят из того, что познавательными являются все действия правоприменителей, поскольку познание осуществляется на всех стадиях процесса применения права.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо определиться с тем, какие действия составляют правоприменительную деятельность и как протекает процесс применения права. Сделать это непросто, поскольку однозначного ответа на этот вопрос мы в литературе не находим. Спор о том, какие действия составляют правоприменительную деятельность и как протекает процесс применения права, возникает, на наш взгляд, по большей части из-за того, что в науках уголовно-процессуального и гражданского процессуального права и в общей теории права процесс применения права рассматривается с разных позиций: в процессуальных науках как процесс производства юридического дела, а в общей теории права как логический процесс.

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, считаем наиболее предпочтительным рассматривать процесс применения права с внешней и внутренней его стороны [9, с. 236–241; 4, с. 22; 5, с. 23]. Процесс применения права внешне протекает как процесс производства юридического дела, который в своем развитии проходит ряд процедурных стадий. Таких стадий, как представляется, можно выделить пять: возбуждение юридического дела; подготовка материалов юридического дела; рассмотрение дела по существу и принятие по нему решения; исполнение принятого решения; контроль за исполнением принятого решения. Данные стадии показывают, какие действия процедурного характера осуществляются правоприменительными органами при производстве уголовных, гражданских и многих других дел. Вместе с тем эти стадии не дают четкого представления о том, из каких действий складывается любой акт применения права, поскольку при производстве того или иного юридического дела акты применения права могут совершаться практически на каждой процедурной стадии. Не позволяют эти стадии определить и природу тех или иных действий правоприменителя, поскольку на каждой процедурной стадии осуществляются как познавательные, так и собственно правоприменительные действия.

Выяснить, из каких обязательных действий складывается любой процесс применения права и какова природа этих действий, позволяет, на наш взгляд, внутренняя характеристика процесса применения права. Процесс применения права, если рассматривать его с внутренней стороны, представляет собой процесс логически сменяемых друг друга действий, которые должен выполнить правоприменитель, применяя ту или иную норму права. Эти действия можно рассматривать как функциональные стадии процесса применения, которые раскрывают логику, механизм применения права и вместе с тем позволяют определить природу совершаемых правоприменителями действий.

Какие же функциональные стадии проходит процесс применения права? В литературе чаще всего выделяют три таких стадии: установление фактических обстоятельств юридического дела, выбор и анализ подлежащих применению норм права и принятие по юридическому делу решения. В принципе, данную схему можно признать приемлемой, однако необходимо иметь в виду, что в разных формах правоприменительной деятельности процесс применения права протекает по-разному. В частности, в оперативно-исполнительной деятельности выбор необходимой для применения нормы права отсутствует, так как подлежащая применению норма известна уже до того, как будут установлены необходимые для ее применения фактические обстоятельства. Поэтому в оперативно-исполнительной деятельности процесс применения права проходит всего две функциональные стадии: стадию установления фактических обстоятельств, необходимых для применения соответствующей нормы права, и стадию принятия правоприменительного решения. В правоохранительной же деятельности следует выделять не две, а три функциональных стадии: стадию установления фактических обстоятельств

юридического дела, стадию юридической оценки этих обстоятельств и стадию принятия правоприменительного решения. При этом в качестве второй стадии мы выделяем не выбор и анализ подлежащей применению нормы права, а юридическую оценку фактических обстоятельств юридического дела. Дело в том, что выбор подлежащей применению нормы права — это уже приятие решения, тогда как юридическая оценка фактических обстоятельств дела — это всего лишь правовая квалификация данных обстоятельств, т. е. установление того, под какую действующую норму права подпадают фактические обстоятельства дела.

Итак, логически процесс применения права проходит в оперативно-исполнительной деятельности две, а в правоохранительной деятельности три стадии. При этом действия, составляющие стадию принятия правоприменительного решения как в оперативно-исполнительной, так и в правоохранительной деятельности, являются собственно правоприменительными [1, с. 548]. Никакого познания на этой стадии не осуществляется, а имеет место применение права как таковое. Оно выражается в том, что предписания применяемой правовой нормы распространяются на конкретную ситуацию и выносится индивидуально-конкретное правовое предписание, составляющее суть правоприменительного решения.

В этой связи утверждать, что познание имеет место на всех стадиях процесса применения права, в том числе и на стадии принятия правоприменительного решения, нет достаточных оснований. Когда мы говорим о стадии принятия правоприменительного решения, то имеем в виду не процедурную, а функциональную стадию, т. е. стадию, которая выделяется логически. Как логическая стадия, стадия принятия правоприменительного решения представляет собой мыслительно-волевую деятельность, в результате которой на основании выбранной для применения нормы права и информации о фактических обстоятельствах юридического дела выносится по возможности оптимальное для данного конкретного случая решение. Никакого познания при принятии правоприменительного решения, никакого получения информации здесь не существует, поскольку вся необходимая информация уже была получена на предыдущих стадиях.

В литературе между тем высказывается идея, согласно которой решение юридического дела при применении норм права с формально-логической стороны представляет собой силлогизм, в котором большой посылкой является норма права, малой — фактические обстоятельства, а заключением — само решение юридического дела [1, с. 548–549]. В этой связи невольно напрашивается вывод о том, что принятие правоприменительного решения тоже относится к познавательным действиям правоприменителей. Коль скоро решение юридического дела является заключением в силлогизме — дедуктивном умозаключении, то принятие правоприменительного решения есть акт познания, ибо умозаключение — форма рациональной ступени познания.

На наш взгляд, нет достаточных оснований рассматривать принятие правоприменительного решения в качестве силлогизма и, следовательно, считать принятие правоприменительного решения актом познания. Во-первых, в предлагаемом умозаключении посылками будут выступать не сами нормы права и фактические обстоятельства дела, а только суждения о них, и, во-вторых, вывод из суждений о нормах права и фактических обстоятельствах дела дает не решение юридического дела, а только правовую оценку (квалификацию) установленных правоприменителем фактических обстоятельств, т. е. вывод о том, под какую норму права эти обстоятельства подпадают.

Что же касается действий, составляющих стадию установления фактических обстоятельств, равно как и стадию юридической оценки этих обстоятельств, они не являются собственно правоприменительными, поскольку никакого применения правовых норм на этих стадиях еще не происходит. На этих стадиях имеет место получение информации, необходимой для принятия правоприменительного решения. Действие правовых норм, их применение связываются, как известно, с определенными фактическими обстоятельствами, описание которых, в той или иной форме, дается в гипотезах правовых норм. Поэтому, применяя нормы права, правоприменитель в каждом конкретном случае должен получить информацию о том, какие фактические обстоятельства имеют место в действительности, и там, где это необходимо, выяснить, под какую норму права данные обстоятельства подпадают.

Действия правоприменителей, связанные с установлением фактических обстоятельств, а также их юридической оценкой,

являются по своей природе познавательными, поскольку имеют своей целью получение информации, необходимой для принятия правоприменительного решения. Внешне они протекают как соответствующие процедурно-процессуальные действия, но с гносеологической точки зрения имеют познавательную природу. Результатом этих действий являются определенные знания, поскольку информация — это тоже знания [6, с. 259–260]. Получение о чем-либо информации есть процесс получения определенных знаний, процесс познания. Поэтому получение информации о том, какие фактические обстоятельства имеют место в данном конкретном случае применения права и под какую действующую норму права они подпадают, есть процесс познания, который осуществляется правоприменительными органами при применении норм права.

Таким образом, действия правоприменительных органов по установлению фактических обстоятельств, равно как и действия, связанные с юридической оценкой этих обстоятельств, по своей природе являются познавательными. Юридическая оценка фактических обстоятельств, когда она осуществляется после их установления, включает в свой состав такие действия, как отыскание правовой нормы, под которую эти обстоятельства подпадают, проверку ее подлинности и юридического действия, проверку правильности текста, в котором выражена эта норма, уяснение смысла этой нормы и правовую квалификацию, которая представляет собой мысленное подведение установленных фактических обстоятельств под найденную и проанализированную норму права. Думается, нет особой необходимости доказывать, что все действия, связанные с юридической оценкой фактических обстоятельств, носят познавательный характер и должны быть отнесены к познанию в правоприменительной деятельности.

Рассмотрев процесс применения права с внутренней стороны, установили, какие действия, осуществляемые при применении права, носят познавательный характер и относятся к познанию в правоприменительной деятельности. Теперь выясним, что представляет собой это познание и каковы его наиболее характерные особенности.

Познание в правоприменительной деятельности, как и любой познавательный акт, есть взаимодействие познающего субъекта с познаваемым объектом [12, с. 377]. В правоприменении участвовать в познавательной деятельности и даже непосредственно осуществлять познание тех или иных обстоятельств могут различные субъекты, но основным субъектом познания всегда является правоприменитель — лицо, уполномоченное применять те иные нормы права. В качестве познаваемых объектов могут выступать различные явления действительности. В первую очередь ими являются фактические обстоятельства, имеющие значение для принятия правоприменительного решения. К ним относятся конкретные обстоятельства, с которыми применяемые нормы права связывают наступление определенных правовых последствий, т. е. юридические факты, а также конкретные обстоятельства, влияющие на принятие целесообразного и справедливого по юридическому делу решения (например, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание). В прямо предусмотренных законом случаях установлению подлежат также обстоятельства, способствовавшие совершению правонарушений. Кроме того, наряду с фактическими обстоятельствами в качестве объектов познавательной деятельности правоприменителей могут выступить нормы права, субъективные права и обязанности лиц, в отношении которых применяются нормы права, доказательства и т. д. В этой связи представляется целесообразным наряду с объектами познания выделять в правоприменительной деятельности также предмет познания, который, полагаем, будет составлять имеющее значение для принятия правоприменительного решения фактические обстоятельства.

Взаимодействие познающего субъекта с познаваемым объектом предполагает определенные средства и методы познания. В правоприменительной деятельности основными средствами познания (установления) фактических обстоятельств являются юридические доказательства, поскольку возможности непосредственного восприятия фактических обстоятельств здесь весьма ограничены. Вместе с тем в отдельных, достаточно простых видах правоприменительной деятельности доказательств для установления фактических обстоятельств не требуется, поскольку они устанавливаются непосредственно. Что же касается методов познания, то ими могут быть самые различные методы, которые используются в практике правоприменительных органов.

Познание в правоприменительной деятельности наряду с общими чертами об-

ладает также определенной спецификой, обусловленной в первую очередь тем, что познание в правоприменительной деятельности относится к так называемому специальному (точнее специально-практическому) познанию. Этот вид познания непосредственно связан с практической деятельностью людей и подчинен решению строго определенных практических задач. В правоприменительной деятельности познание непосредственно связано с получением достоверной информации о фактических обстоятельствах, необходимой для принятия соответствующего решения.

В юридической литературе уже обращалось внимание на то, что познание в правоприменительной деятельности — это особый вид познания, который следует именовать специальным познанием [2, с. 28; 11, с. 20; 13, с. 52]. Данный вывод в полной мере согласуется с философскими положениями о познавательной деятельности людей, согласно которым следует различать вненаучное и научное познание. Так, например, В. К. Лукашевич пишет, что всю совокупность осуществляемых людьми познавательных действий принято делить на две группы: действия, совершаемые в русле разнообразных конкретных видов человеческой деятельности, и действия, осуществляемые в рамках науки как особого вида человеческой деятельности. Соответственно этому выделяют вненаучное и научное познание. Вненаучное познание — это совокупность познавательных действий, включенных в конкретные виды человеческой деятельности, конечные цели которых качественно отличаются от целевой установки познания, в то время как научное познание — это система познавательных действий, направленных на производство и теоретическую систематизацию знаний о природной, социальной и духовной реальности [8, с. 8].

Познание в правоприменительной деятельности, как разновидность специально-практического познания, относится к вненаучному познанию. Вследствие этого едва ли можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что познание в правоприменительной деятельности является звеном или формой научного познания [3, с. 47; 7, с. 5–7]. Правоприменение — это не научная, а практическая деятельность, и познание, осуществляемое здесь, не имеет отношения к научному освоению действительности. Познание в правоприменении подчинено строго практическим задачам — установлению фактических обстоятельств, информация о которых необходима для вынесения правоприменительного решения. Поэтому познание в правоприменении не преследует цели открывать какие-либо закономерности, а также давать научное объяснение тем или иным явлениям и фактам действительности.

Разумеется, в правоприменительном познании могут широко использоваться научные средства и методы исследования, да и само оно во многом носит научный характер, поскольку базируется на знании, прежде всего, юридической науки. Однако это не дает оснований рассматривать познавательную деятельность в правоприменении в качестве звена или формы научного познания. Как представляется, в познании, осуществляемом при применении норм права, могут встречаться элементы и научного, и других видов познания. Так, при наличии в рамках конкретного юридического дела сложных логических, технологических, конструкторских и тому подобных фактических данных правоприменитель вынужден опираться преимущественно на научное познание, а, скажем, определяя размер имущественной санкции за причинение морального вреда, — главным образом на нравственное познание, поскольку согласно ст. 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Широко распространены и элементы обыденного познания. Обыденное познание имеет немаловажное значение в плане использования житейского и профессионального опыта, например, в процессе исследования и оценки доказательств, используемых при установлении фактических обстоятельств того или иного юридического дела.

В. М. Сырых, проводя различие между научным и профессиональным юридическим познанием, к которому относит также познание в правоприменительной деятельности, отмечает, что обе формы познания имеют ряд сходных черт. В частности, обе формы в равной мере применяют понятийный аппарат правовой науки и даже определенную часть методов научного познания. Эмпирические исследования, проведенные на должном в методологическом отношении уровне, приводят

к одним и тем же знаниям, независимо от того, кто был исследователем — ученый или практический работник. Поэтому провести четкую границу между эмпирическими исследованиями ученых-юристов и практических работников не представляется возможным. Критерием же разграничения выступает такой их признак, как цели познания. Практическое познание осуществляется в целях решения конкретных проблем правотворческой, правоохранительной или правоприменительной деятельности, научное же познание ориентировано на формирование теоретических знаний о государстве и праве, дальнейшее обогащение и совершенствование наличных знаний правовой науки [10, с. 207–208].

Познанию в правоприменительной деятельности, как определенному виду специально-практического познания, присущи и другие специфические черты. О некоторых из них мы уже упоминали, когда рассматривали общие положения, характеризующие познание в правоприменительной деятельности. Однако более обстоятельная характеристика этих особенностей заслуживает отдельного рассмотрения.

Подводя итог, еще раз отметим, что в структуре правоприменительной деятельности всегда присутствует познание, которое осуществляется в целях установления фактических обстоятельств, необходимых для применения той или иной нормы права. Оно пронизывает такие функциональные стадии процесса применения права, как стадию установления фактических обстоятельств юридического дела и стадию их юридической оценки. Это познание включает в свой состав элементы научного, обыденного и некоторых других видов познания. В то же время оно относится к специально-практическому познанию, которое является самостоятельным видом познавательной деятельности людей, поскольку подчинено решению строго определенных практических задач. Как разновидность специально-практического познания, в правоприменительной деятельности познание характеризуется всеми теми чертами, которые присущи любой познавательной деятельности, но вместе с тем ему, как виду специально-практического познания, присущи и свои, специфические черты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : учеб. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2008. — 576 с.
2. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права. — Свердловск, 1966. — Вып. 4. — 204 с.
3. *Ванеева Л. А.* Судебное познание в советском гражданском процессе. — Владивосток, 1972. — 134 с.
4. *Вопленко Н. Н.* Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. — М., 1984. — 33 с.
5. *Горшенев В. М., Дюрягин И. Я.* Правоприменительная деятельность // Советское государство и право. — 1969. — № 5. — С. 21–28.
6. *Данильян О. Г., Тараненко В. М.* Философия : учеб. — М., 2005. — 512 с.
7. *Козлов А. С.* Понятие и признаки судебных доказательств в советском гражданском процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 1978. — 19 с.
8. *Лукашевич В. К.* Основы методологии научных исследований : учеб. пособие для студентов вузов. — Минск, 2001. — 104 с.
9. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права : учеб. пособие : в 2 ч. —Иркутск, 2011. — Ч. 2. Теория права. — 391 с.
10. *Сырых В. М.* История и методология юридической науки : учеб. — М., 2012. — 464 с.
11. *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. — Казань, 1973. — 176 с.
12. Философия : учеб. пособие для высших учебных заведений / под ред. *В. П. Кохановского*. — 6-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д, 2003. — 576 с.
13. *Юдельсон К. С.* Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. — М., 1956. — 251 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, 2008. 576 p.
2. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava* [General Theory of Socialist Law]. Sverdlovsk, 1966. Vol. 4. 204 p.
3. Vaneeva L. A. *Sudebnoe poznanie v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Judicial Knowledge in the Soviet Civil Procedure]. Vladivostok, 1972. 134 p.
4. Voplenko N. N. *Teoreticheskie problemy rezhima zakonnosti v primenenii norm sotsialisticheskogo prava. Avtoref. Kand. Diss.* [Theoretical Issues of the Rule of Law in the Application of Socialist Legal Norms. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1984. 33 p.
5. Gorshenev V. M., Dyuryagin I. Ya. Law Enforcement. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1969, no. 5, pp. 21–28 (in Russia).

6. Danil'yan O. G., Taranenko V. M. *Philosophiya* [Philosophy]. Moscow, 2005. 512 p.
7. Kozlov A. S. *Ponyatie i priznaki sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom grazhdanskom protsesse. Avtoref. Kand. Diss.* [The Concept and Attributes of Judicial Evidence in Soviet Civil Procedure. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1978. 19 p.
8. Lukashevich V. K. *Osnovy metodologii nauchnykh issledovanij* [Methodological Basics of Research]. Minsk, 2001. 104 p.
9. Pyanov N. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Irkutsk, 2011. Vol. 2. 391 p.
10. Syrykh V. M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoj nauki* [The History and Methodology of Legal Science]. Moscow, 2012. 464 p.
11. Phatkullin Ph. N. *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya* [General Issues of Procedural Proof]. Kazan, 1973. 176 p.
12. V. P. Kokhanovskii (ed). *Philosophiya* [Philosophy]. Rostov-on-Don, 2003. 576 p.
13. Yudel'son K. S. *Sudebnye dokazatel'stva i praktika ikh ispol'zovaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Judicial Evidence and the Practice of its Use in Soviet Civil Procedure]. Moscow, 1956. 251 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пьянов Николай Андреевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: Pianovna@mail.ru)

Казанков Ярослав Николаевич (Иркутск) — аспирант кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: chessprince@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pyanov, Nikolay Andreyevich (Irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: Pianovna@mail.ru)

Kazankov, Yaroslav Nikolayevich (Irkutsk) — Ph.D. student, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: chessprince@mail.ru)

УДК 347.1
ББК 67.404

Н. В. Мишакова
Новосибирский государственный аграрный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопросы ежемесячного денежного вознаграждения труда, иных государственных гарантий для судей возникали с момента появления первых судебных учреждений в российском государстве и актуальны до настоящего времени. Предложенная реформа системы оплаты труда судьи, введенная в действие в 2013 г., имеет и достоинства, и недостатки. В статье автор проводит историко-правовой анализ по проблеме государственной защиты судей в России.

Ключевые слова: судебная реформа; система оплаты труда судей; квалификационный класс; квалификационная аттестация судей; ежемесячное денежное вознаграждение; заработная плата судей; гарантия независимости судей; социальные гарантии судей.

N. V. Mishakova
Novosibirsk State Agrarian University

SOME LEGAL ASPECTS OF THE JUDGES' SOCIAL PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The issues of monthly monetary remuneration and other governmental guarantees for judges emerged with the establishment of the first court institutions in the Russian state and remain topical today. The remuneration system reform introduced in 2013 has its advantages and drawbacks. In this paper the author presents a historical and legal analysis of the issue of state protection of judges in Russia.

Keywords: court reform; a system of remunerations for judges; qualification level; qualification rating of judges; monthly monetary remuneration; judges' salary; the guarantee of the judges' independence; social guarantees for the judges.

В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ вопросы судоустройства, составной частью которого является правовой статус судей, относятся к ведению Российской Федерации. Конституция РФ закрепляет основы единого правового статуса судей в Российской Федерации, в том числе принцип независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону (ст. 120 ч. 1).

Проведя исторический анализ на предмет эволюции судебной деятельности, начиная с момента образования первых острогов и приказов (как административно-территориальных единиц российского государства) и до проведения первостепенных реформ, затрагивающих судоустройственные основы, в частности реформы Петра I, Екатерины II, можно сделать общий вывод о том, что суд, в его современном понимании, длительное время не был отделен от правящей администрации. Приказами управляли начальники, которые одновременно обладали и судейскими полномочиями, вследствие чего к их жалованью добавлялся внушительный оклад[1] [8, с. 50].

Однако тенденция разделения властей намечалась, поскольку судебные порядки русского государства в XV–XVII вв., основанные на личных позициях и бесконтрольности судей, уже не соответствовали задачам абсолютной монархии. Именно в этот период изымаются из компетенции вотчинного суда наиболее важные дела, и этот суд переходит в подчинение государственным судебным органам. Формируются судебные инстанции, определяется подсудность, создается система надзора. Все это позволяет говорить о зарож-

[1] Известный дипломат А. Л. Ордин-Нащекин был судьей и начальником Посольского, Малороссийского и трех четвертей (четей) — Новгородской, Владимирской и Галицкой — приказов. 15 июня 1667 г. получил в управление Посольский приказ с пышным титулом «царственна большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя». Он, не располагавший ни поместьями, ни вотчинами, был пожалован в потомственное владение богатой Порецкой волостью, а также 500 дворами крестьян около Костромы, а к обычному боярскому окладу ему добавили 500 р.

© Н. В. Мишакова, 2014

дении первых признаков централизованной системы судоустройства [8, с. 69].

Согласно принятому 20 ноября 1864 г. Учреждению судебных установлений, судебная власть должна принадлежать «Мировым судьям, Съездам Мировых Судей, Окружным Судам, Судебным Палатам и Правительствующему Сенату в качестве верховного кассационного суда» [2, с. 448]. По прил. I к ст. 238 Учреждения судебных установлений было введено «расписание окладов содержания, классов должностей, разрядов по пенсии и по шитью на мундире чинов судебного ведомства» [7, с. 79]. Вместе с тем анализ архивных и исторических документальных источников показал, что финансирование судейского корпуса на территории российской империи было разным, особенно в регионах, где не были введены Судебные уставы.

В Сибири, например, судейский аппарат испытывал дефицит финансирования, «причем настолько, что он ставил на грань остановки функционирование судебной системы и не позволял исправить выявляемые недостатки в ее деятельности. Судейские заработки были невысокими, а их редкие увеличения — незначительными. Так, судебная реформа 1885 г. повысила жалованье судей, но не довела его размер до уровня оплаты труда судей в регионах, где действовали Судебные уставы. У этого суда, не допускавшего участия общества в судопроизводстве и не авторитетного, отсутствовали притязания на должную служению правосудию обстановку. Заседания проводились, как правило, в неприспособленных зданиях и помещениях, в скудных интерьерах, иногда ужасающих своей неряшливостью и убогостью» [5, с. 30].

Недофинансирование испытывали все уровни судебной власти: и общие суды, и мировые. Редкое увеличение так называемых «канцелярских сумм» также было недостаточным и влияло на снижение качества судебной власти, увеличивало недоверие населения к суду и, соответственно, умножало количество случаев самосуда.

В Центральной части российской империи, в отличие от Сибири, финансовое содержание судебной машины находилось на более высоком уровне, но при этом существовали и свои недостатки.

С точки зрения В. В. Захарова и М. А. Савельевой, во второй половине XIX — начале XX в. правовой статус судей не получил специальной регламентации. «До судебной реформы 1864 г., когда юридическая профессия еще не стала особой областью деятельности, законодатель считал, что личностные качества судей, и прежде всего нравственные, в первую очередь способствуют утверждению в обществе уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости суда. По этой причине было отдано преимущество нравственному, сословному и имущественному цензам» [3].

Например, мировые судьи по своему должностному положению были приравнены к членам окружных судов и судебных палат. Согласно Табели о рангах мировые судьи, члены окружных судов и судебных палат состояли в достаточно высоком пятом классе, но их материальное вознаграждение отличалось. Поэтому наличие собственности, которая приносила доход, позволила законодателю выплачивать мировым судьям жалованье в два-три раза меньше, чем у судей коронных судов. Из этого вытекало представление, что владение собственностью позволит обеспечить действительную независимость судей [Там же, с. 23–27].

В настоящее время конституционные положения о государственной защите судьи (в том числе, судьи в отставке, членов семьи судьи) закреплены в федеральных конституционных законах «О Конституционном Суде Российской Федерации»[1] (ст. 13), «О военных судах Российской Федерации»[2] (ст. 29–31); законе «О статусе судей в Российской Федерации»[3] (ст. 9 и 20); федеральных законах «О мировых судьях в Российской Федерации»[4] (ст. 2), «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации»[5] и иных актах.

Согласно ст. 9 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 государство обязано предоставить судье материальное и социальное обеспечение, соответствующее его высокому статусу. Для этих целей в федеральном бюджете ежегодно предусматриваются отдельной статьей необходимые средства. При этом смета расходов не может быть уменьшена по сравнению с предыдущим финансовым годом.

---

[1] О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. — 1992. — 29 июля.

[2] О военных судах Российской Федерации : федер. конституц. закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. — 1999. — 29 июня.

[3] О статусе судей в Российской Федерации : закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Российская газета. — 1992. — 29 июля.

[4] О мировых судьях в Российской Федерации : федер. закон от 17 дек. 1998 г. № 188-ФЗ // Российская газета. — 1998. — 22 дек.

[5] О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации : федер. закон от 10 янв. 1996 г. № 6-ФЗ // Российская газета. — 1996. — 18 янв.

Заложенные в российском законодательстве гарантии в целом отвечают основным принципам независимости судебных органов, отраженных в международно-правовых документах. Прежде всего, это Основные принципы независимости судебных органов (1985); Процедуры эффективного осуществления Основных принципов независимости судебных органов, принятые 24 мая 1989 г. Резолюцией Экономического и Социального совета ООН 1989/60; Европейская хартия о статусе судей и Пояснительный меморандум к ней; Рекомендация № R(94)12 Комитета министров государствам — членам Совета Европы о независимости, эффективности и роли судей, принятая Комитетом министров 13 октября 1994 г. В частности, пп. 6.1 и 6.2 Европейской хартии о статусе судей указывают право судьи на вознаграждение, уровень которого должен быть таким, чтобы они были защищены от давления при принятии ими решений.

Российский судья получает *ежемесячное денежное вознаграждение*, состоящее из месячного оклада в соответствии с замещаемой им должностью судьи (должностной оклад); месячного оклада судьи в соответствии с присвоенным ему квалификационным классом (оклад за квалификационный класс); ежемесячного денежного поощрения; ежемесячной доплаты за выслугу лет; ежемесячных доплат за ученую степень кандидата юридических наук, доктора юридических наук, за ученое звание доцента, профессора, почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации»; ежемесячной доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей (в случаях, предусмотренных законодательством РФ). Установлены также дополнительные выплаты по социальным направлениям, выделение мест в дошкольные учреждения, обеспечение форменным обмундированием и др.

Автор согласен с позицией Е. Б. Абросимовой в том, что в будущем необходимо отказаться от «натуральных составляющих» материальных гарантий, поскольку основу независимости должно составить только денежное содержание как таковое [1, с. 50].

Анализ экономических процессов России показывает, что темпы роста заработной платы судей существенно отстают от роста средней заработной платы в Российской Федерации[1]. Соответственно, в числе основных мер антикоррупционной направленности необходимо существенно повысить заработную плату судей и установить систему ее дальнейшего поддержания на высоком уровне. По нашему мнению, введенная в действие с января 2013 г. система начисления ежемесячного денежного вознаграждения судьи не лишена недостатков. Так, должностной оклад председателя Конституционного Суда РФ, фактически являющийся базой для расчета окладов всех остальных судей, в итоге устанавливается указом Президента РФ. В этой связи разделяем точку зрения И. Р. Латыповой, которая считает, что в результате возникает ситуация, когда размер заработной платы судей в итоге определяется Президентом РФ единолично, так как все остальные составляющие ежемесячного денежного вознаграждения судьи рассчитываются на основании должностного оклада председателя Конституционного Суда РФ [6, с. 14]. Указанное свидетельствует о том, что материальное обеспечение судей находится всецело в руках исполнительной власти и зависит от ее воли.

Кроме этого, введенный порядок присвоения квалификационных классов также подвержен критике судей, особенно работающих в системе 1-й инстанции. В частности, присваиваемый судье квалификационный класс стал зависим от уровня суда, в котором трудится судья. Доплаты за квалификационный класс мировых судей и судей районных (городских) судов, начисленных по новому порядку, выросли лишь в 2,3 и 3,4 раза по сравнению с судьями вышестоящих и надзорных судебных инстанций. В итоге — значительные диспропорции в ежемесячном денежном вознаграждении между судьями разных ветвей судебной власти. Этот факт позволяет говорить о дифференциации единой профессии и имущественном расслоении российских судей.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что предварительно Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»[2]

[1] Более подробно аналитические данные отражены в постановлении VII Всероссийского съезда судей от 4 дек. 2008 г.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 25 дек. 2012 г. № 269-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 28 дек.

не прошел достаточного публичного обсуждения и проработки у судейского сообщества, поэтому его введение в действие принесло отрицательные эффекты.

Еще на один аспект государственной защиты судей хотелось бы обратить внимание: в Российской Федерации принцип независимости судей подвержен влиянию внешних и внутренних факторов.

В. П. Кашепов, например, к внешним факторам относит посягательство на судебную независимость со стороны других ветвей государственной власти, прежде всего исполнительной. К внутренним факторам — воздействия, существующие в самой судебной системе, главным образом организационно-управленческого характера и исходящие, к примеру, от председателей судов либо квалификационных коллегий судей [4, с. 117].

В этой связи представляется, что действующий закон о совершенствовании системы оплаты труда российских судей содержит явный внутренний фактор, влияющий на независимость судьи, поскольку включает значительные полномочия председателей судов, связанных с присвоением квалификационных классов подчиненных ему судей.

Таким образом, имеющийся в настоящее время в России механизм государственной защиты судей имеет свои недостатки. Следовательно, существует и дальнейшая необходимость правового исследования государственной защиты судей как элемента судебной деятельности судьи в деятельности российского государства. Представляется, что без осознания влияния степени защищенности судейского состава невозможно достижение качественных сдвигов в отправлении правосудия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абросимова Е. Б.* Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. — М., 2009. — 279 с.
2. *Власов В. И.* История судебной власти в России. — М., 2003. — Кн. 1 : 1019–1917. — 622 с.
3. *Захаров В. В., Савельева М. А.* Эволюция цензовой системы в структуре механизма формирования корпуса мировых судей в России во второй половине XIX — начале XX в. // Мировой судья. — 2011. — № 11. — С. 23–27.
4. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / *А. А. Гравина, В. П. Кашепов, О. В. Макарова* ; отв. ред. *В. П. Кашепов.* — М., 2011. — 296 с.
5. *Крестьянников Е. А.* Судебная власть в Западной Сибири (1823-1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. — Тюмень, 2012. — 27 с.
6. *Латыпова И. Р.* Новая система оплаты труда судей: шаг вперед или два шага назад? // Администратор суда. — 2012. — № 4. — С. 8–14.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М., 1991. — Т. 8 : Судебная реформа. — 496 с.
8. *Смыкалин А. С.* Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) // Вопросы истории. — 2004. — № 8. — С. 49–69.

REFERENCES

1. Abrosimova E. B. *Ocherki rossijskogo sudoustrojstva: rephormy i rezul'taty* [Essays on Russian Court System: Reforms and Results]. Moscow, 2009. 279 p.
2. Vlasov V. I. *Istoriya sudebnoj vlasti v Rossii* [The History of the Court Power in Russia]. Moscow, 2003. 622 p.
3. *Zakharov V. V., Savel'eva M. A.* The Qualification System's Evolution in the Structure of the Procedure for Selecting Justices of the Peace in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Mirovoj sud'ya – Justice of the Peace,* 2011, no. 11, pp. 23-27 (in Russian).
4. V. P. Kashepov *(ed.) Konstitutsionnye printsipy sudebnoj vlasti Rossijskoj Phederatsii* [Constitutional Principles of the Court Power of the Russian Federation]. Moscow, 2011. 296 p.
5. Krest'yannikov E. A. *Sudebnaya vlast' v Zapadnoj Sibiri (1823–1917 gg.) : avtoreph. Avtoref. Doct. Diss* [The Court Power in Western Siberia (1823–1917). Doct. Diss. Thesis]. Tyumen, 2012. 27 p.
6. Latypova I. R. A New System of Remunerating Judges: A Step Forward of Two Steps Backward? *Administrator suda – The Court Administrator,* 2012, no. 4, pp. 8–14 (in Russian).
7. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t.* [Russian Legislation in the 10th-20th Centuries : in 9 vol.] Moscow, 1991. Vol. 8: Court Reform. 496 p.
8. Smykalin A. S. The Court System of the Russian State from Ivan the Terrible to Catherine II (15th–18th centuries). *Voprosy istorii – Historical Issues,* 2004, no. 8, pp. 49–69 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мишакова Надежда Валерьевна (Новосибирск) — старший преподаватель кафедры земельного, экологического и трудового права. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный аграрный университет» (630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, e-mail: NMishakova@inbox.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mishakova, Nadezhda Valeryevna (Novosibirsk) — Senior Instructor, Chair of Land, Environmental and Labor Law, Law Department. Novosibirsk State Agrarian University (Dobrolyubova st., 160, Novosibirsk, 630039, e-mail: NMishakova@inbox.ru)

УДК 342.9
ББК 67.401.041

Е. В. Кирильчик
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с привлечением юридических лиц к административной ответственности. Автор обращает внимание на то, что наибольшие сложности вызывает решение вопроса об определении вины юридических лиц. Принцип презумпции невиновности не всегда реализуется в отношении данных субъектов административных правонарушений. Противоречивая правоприменительная практика обусловлена несовершенным законодательством. Высказывается мнение о необходимости законодательного закрепления обстоятельств, исключающих административную ответственность юридических лиц.

Ключевые слова: административная ответственность; вина юридического лица; презумпция невиновности.

Ye. V. Kirilchik
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

ON SOME ISSUES OF LEGAL PERSONS' ACCOUNTABILITY FOR ADMINISTRATIVE OFFENCES

The paper examines some issues of making legal persons accountable for administrative offences. The author stresses that the most complex issue is that of determining the guilt of legal persons. The presumption of innocence principle is not always applied to these subjects of administrative offences. Such inconsistencies in law enforcement are caused by drawbacks in legislation. The author argues that it is necessary to incorporate in the law the circumstances precluding the administrative liability of legal persons.

Keywords: administrative responsibility; a legal person's guilt; presumption of innocence.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)[1] институт административной ответственности юридических лиц в России не только полностью признан, но и получил мощное развитие. В КоАП РФ установлено значительное количество административных правонарушений, ответственность за совершение которых возлагается на юридических лиц [7, с. 620]. Необходимость закрепления административной ответственности юридических лиц возникла под влиянием потребностей самой жизни, нарождающихся экономических условий, вызванных возвращением в стране частной собственности [8, с. 26–27]. Значимость административной ответственности юридических лиц обусловлена еще и тем, что законодательство России не предусматривает уголовной ответственности юридических лиц, а гражданско-правовая ответственность зачастую является неэффективной.

Как справедливо отмечает профессор Б. В. Россинский, необходимые затраты юридических лиц на профилактические мероприятия, связанные с предотвращением тех или иных неправомерных действий, в ряде случаев превышают, а иногда существенно, возможные вредные последствия, причиняемые в результате совершения таких действий. Организациям зачастую выгоднее возмещать причиненный ущерб в дальнейшем (если еще будет соответствующее судебное решение), чем заранее

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : изм. от 28 дек. 2013 г. № 445-ФЗ // Российская газета. — 2001. — 31 дек.

© Е. В. Кирильчик, 2014

осуществлять профилактические затраты, причем иногда значительно большие, чем сумма самого ущерба [6, с. 57].

Кроме того, следует иметь в виду, что большинство составов административных правонарушений являются формальными, т. е. не приводят к возникновению вредных материальных последствий, а только создают опасность их наступления или вообще лишь приносят нематериальный вред тем или иным общественным отношениям. О гражданской ответственности за совершение противоправных деяний в этих случаях, как правило, говорить не приходится [Там же, с. 57–58]. В связи с этим именно административная ответственность юридических лиц является самым действенным способом, обеспечивающим соблюдение юридическими лицами установленных правил и норм. Однако, несмотря на то, что КоАП РФ действует уже более десяти лет, до настоящего времени не выработано единого подхода к определению вины юридических лиц. Следует отметить, что категория вины пришла в административно-деликтное законодательство из уголовного права. В традиционном понимании вина характеризует состояние психики субъекта правонарушения и поэтому выражается в двух известных формах: умысле и неосторожности. Коллективный субъект психической деятельности не осуществляет, а значит, классические формы вины для него неприемлемы [1, с. 77].

В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ «юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Таким образом, законодатель выделяет два условия, позволяющих признать вину юридического лица: 1) наличие у него возможности выполнить предписания соответствующих правил и норм; 2) непринятие всех зависящих от него мер по их соблюдению [2, с. 20].

Заслуживает внимания и мнение о том, что о наличии вины юридического лица в совершении правонарушения может свидетельствовать не только непринятие мер по соблюдению правил и норм, но и принятие мер, явно недостаточных для предотвращения административного правонарушения или не соответствующих принципам разумности или своевременности [5, с. 30].

На практике нередко сложным представляется выяснение вопроса, были ли приняты все зависящие от юридического лица меры по соблюдению установленных правил и норм. При этом следует иметь в виду, что принцип презумпции невиновности, закрепленный в ст. 1.5 КоАП РФ, распространяется в равной степени как на физических, так и на юридических лиц. Однако, как отмечает судья Арбитражного суда Кировской области П. И. Кононов, административные органы при привлечении юридических лиц к административной ответственности не утруждают себя доказыванием вины этих юридических лиц в совершении конкретных административных правонарушений [3, с. 3]. В подтверждение этого вывода он приводит типичный пример из судебной практики. Юридическое лицо было привлечено к административной ответственности по ст. 14.5 КоАП РФ, поскольку продавец-кассир однажды по неосторожности не применил при расчете контрольно-кассовую машину (ККМ). При этом установили, что юридическое лицо, заключая трудовой договор с продавцом, четко определило его обязанности по соблюдению правил торговли, по применению ККМ, о чем продавец был ознакомлен под роспись, пройдя соответствующий инструктаж. В ходе судебного разбирательства представитель налогового органа на вопрос суда о том, какие еще зависящие от юридического лица меры не были приняты для предотвращения нарушения, не мог дать никакого внятного ответа [3, с. 2]. Таким образом, фактически, вместо принципа презумпции невиновности в отношении юридических лиц часто действует принцип объективного вменения.

Достаточно спорным представляется мнение о том, что вина юридического лица не исключается даже в случаях, когда оно ссылается на действие обстоятельств непреодолимой силы, приводя необходимые доказательства, поскольку требует выяснения вопрос, была ли возможность, несмотря на объективно сложную для данного юридического лица ситуацию, предотвратить нарушение закона. Вина в данном случае может состоять в недостаточной внимательности к своим обязанностям либо в недостаточной заботе об их выполнении [2, с. 21]. Думается, что такая позиция не соответствует принципу презумпции невиновности.

Кроме того, отсутствие единообразной практики при определении вины юридических лиц не способствует и реализации

принципа законности в производстве по делам об административных правонарушениях. К сожалению, следует признать, что «размытая» формулировка вины юридического лица способствует тому, что внутреннее убеждение субъекта административной юрисдикции является определяющим при решении вопроса о виновности или невиновности юридического лица.

Представляется вполне обоснованным предложение некоторых ученых определить в КоАП РФ перечень обстоятельств, которые бы однозначно свидетельствовали об отсутствии вины юридических лиц. К ним следует отнести:

1. Обстоятельства непреодолимой силы (авария, уничтожение документов в результате пожара, затопления и др.).

2. Выполнение юридическим лицом официальных разъяснений государственных органов.

3. Отсутствие у бюджетной организации, не имеющей внебюджетных источников финансирования, необходимых денежных средств, при условии принятия ею всех зависящих от нее мер по их получению из бюджета [4, с. 82].

4. Незаконное бездействие государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, которое явилось непосредственной причиной нарушения юридическим лицом действующего законодательства РФ, специальных норм и правил и непосредственно повлекло возникновение события административного правонарушения.

5. Неисполнение работником юридического лица доведенных до него в порядке, установленном законодательством, учредительными документами или иными внутренними локальными актами юридического лица приказов, распоряжений, указаний, изданных (данных) органом управления юридического лица, если оно непосредственно повлекло возникновение события административного правонарушения [3, с. 3].

Думается, что закрепление в КоАП РФ обстоятельств, исключающих административную ответственность юридических лиц, будет способствовать более объективному подходу при решении вопроса об определении их вины в совершении административных правонарушений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахрах Д. В.* Субъекты административного права // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / отв. ред. *Л. Л. Попов, М. С. Студеникина.* — М., 2004. — С. 77–79.

2. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. *Э. Н. Ренова.* — М., 2002. — 1028 с.

3. *Кононов П. И.* О некоторых актуальных проблемах применения и совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. — 2008. — № 4. — С. 2–3.

4. *Панкова О. В.* Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях. — М., 2009. — 300 с.

5. *Ражков Р. А.* Установление вины юридического лица как обязательного элемента состава административного правонарушения в арбитражном процессе // Административное право и процесс. — 2010. — № 2. — С. 30–35.

6. *Россинский Б. В.* Административная ответственность : курс лекций. — М., 2004. — 312 с.

7. *Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право : учеб. — 4-е изд. — М., 2009. — 926 с.

8. *Сорокин В. Д.* Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Юридическая мысль. — 2002. — № 4 (10). — С. 26–27.

REFERENCES

1. Bakhrakh D. V. *Administrativnoe pravo i administrativnyj protsess: aktual'nye problem* [Administrative Law and Administrative Process: Topical Issues]. Moscow, 2004, pp. 77–79.

2. Renov E. N. (ed.) *Kommentarij k Kodeksu Rossijskoj Phederatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Comments to the Russian Federation Code of Administrative Offences]. Moscow, 2002. 1028 p.

3. Kononov P. I. On Some Topical Issues of Applying and Improving the Russian Federation Code of Administrative Offences. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Process,* 2008, no. 4, pp. 2–3.

4. Pankova O. V. *Nastol'naya kniga sud'i po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [A Judge's Reference Book on Administrative Offence Cases]. Moscow, 2009. 300 p.

5. Razhkov R. A. Determining a Legal Person's Guilt as a Mandatory Element of Administrative Offence's Corpus Delicti in the Arbitration Process. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Process,* 2010, no. 2, pp. 30–35.

6. Rossinskij B. V. *Administrativnaya otvetstvennost': kurs lektsij* [Administrative Liability: A Course]. Moscow, 2004. 312 p.

7. Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. *Administrativnoe pravo : ucheb.* [Administrative Law: A Textbook]. Moscow, 2009. 926 p.

8. Sorokin V. D. Comments to Selected Articles of the Russian Federation Code of Administrative Offences. *Yuridicheskaya mysl' – Juridical Thought,* 2002, no. 4 (10), pp. 26–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирильчик Елена Валерьевна (Иркутск) — старший преподаватель кафедры конституционного права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: konst.law@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirilchik, Yelena Valeryevna (Irkutsk) — Senior Instructor, Chair of Constitutional Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: konst.law@mail.ru)

УДК 349.2
ББК 67.405.1

Е. В. Красноярова
кандидат педагогических наук
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

СВОБОДА ТРУДА И ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАЕМНОГО ТРУДА

В статье анализируется один из основных принципов трудового права, закрепляющий возможность человека свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род занятий, сферу деятельности — принцип свободы труда. Отмечается, что в отдельных случаях законодатель ограничивает свободу труда посредством установления специальных норм для отдельных категорий работников. В связи с этим обосновывается необходимость рассмотреть конкретные нормы дифференциации правового регулирования труда. Вместе с тем анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев ограничение свободы труда связано с нарушением трудового законодательства работодателями.

Ключевые слова: свобода труда; принцип равенства; ограничение свободы труда; дискриминация; дифференциация правового регулирования труда.

Ye. V . Krasnoyarova
Ph. D. in Pedagogy
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

FREEDOM OF LABOR AND ITS RESTRICTIONS IN THE SPHERE OF HIRED LABOR

The paper analyses one of the main principles of labor law that ensures that a person is free to dispose of his/her capacity to work, choose trade or profession and the kind of activities — the principle of the freedom of labor. The author notes that in some cases legislators restrict the freedom of labor by setting special norms for certain categories of workers. In this connection the author proves the necessity of analyzing the specific norms of differentiating the legal regulation of labor. At the same time, the analysis of law enforcement practice allows to conclude that in most cases restrictions on the freedom of labor are connected with violations of labor legislation by employers.

Keywords: freedom of labor; principle of equality; restrictions on the freedom of labor; discrimination; differentiation of labor's legal regulation.

Идеей свободы труда пронизаны основные международные стандарты о труде, положения Конституции РФ. «Идея свободы выступает идеальным феноменом, элементом мышления, представления, правосознания, духовно-нравственной сферы человека» [2, с. 14]. В буквальном смысле слова свобода подразумевает следующие значения: «1. В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. 2. Отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-либо класса, всего общества или его членов. 3. Вообще отсутствие каких-нибудь ограничений, стеснений в чем-нибудь. 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» [1, с. 728]. Исходя из приведенных определений, свобода труда — это выполнение работы без каких-либо ограничений воли человека или вообще невыполнение работы.

Конституция РФ содержит основополагающие правила: «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. 2. Принудительный труд запрещен. 3. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту

© Е. В. Красноярова, 2014

от безработицы»[1]. Свобода труда — один из основных принципов трудового права, закрепляющий возможность человека свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род занятий, сферу деятельности. Это возможность работать как на условиях трудового договора, так и на условиях гражданско-правового договора, заниматься общественной, предпринимательской или любой иной деятельностью, будь то творческая, научная, литературная и др.

В сфере наемного труда работник осуществляет работу, определенную трудовым договором, и работодатель не вправе требовать от него исполнения другой работы, не предусмотренной трудовым договором, в противном случае нарушается принцип свободы труда.

Работник и работодатель связаны рамками трудового договора (соглашения), по которому работник обязуется выполнять определенную трудовую функцию, подчиняясь правилам внутреннего трудового распорядка и распоряжениям работодателя, а работодатель обязан своевременно и в полном размере выплачивать заработную плату, обеспечивая необходимые условия труда. Таким образом, обеспечить безопасным оборудованным рабочим местом, сырьем и материалами, создать рабочую атмосферу, надлежащие условия труда в организации обязан работодатель. А значит, именно он должен предоставить возможности работнику выполнять определенную трудовую функцию. Свобода труда, на наш взгляд, — это предоставленные работнику возможности, среди которых:

– реализация профессиональных способностей к труду, самореализация, повышение профессионализма, квалификации;

– продуктивное использование рабочего времени без простоев с четким нормированием труда, наличие необходимых средств производства, оборудованное рабочее место;

– полноценный отдых, достаточное и необходимое время для восполнения физических и умственных затрат;

– достойная заработная плата, включающая стимулирующие и компенсационные выплаты;

– равноправный член коллектива, способный осуществлять коллективные трудовые права, среди которых ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров, управление организацией, проведение взаимных консультаций по вопросам регулирования трудовых и непосредственно с ними связанных общественных отношений по труду и др.;

– комфортные условия, атмосфера доброжелательности, взаимного уважения;

– защита своих трудовых прав, свобод и законных интересов всеми не запрещенными законом способами и т. д.

Реализация возможностей и есть свобода труда. Таким образом, свобода труда рассматривается как совокупность предоставленных работнику возможностей свободно реализовать свои способности к труду в рамках трудового договора и в соответствии с законом.

Но свобода труда не безгранична. В сфере применения наемного труда ее ограничения возможны лишь в случаях, установленных законом. Данные ограничения — это специальные правила, нормы дифференциации, призванные ограничить труд отдельных категорий работников в силу различных обстоятельств: в зависимости от состояния здоровья и возраста работников, инвалидности, специфики трудовой функции, характеристики условий труда, психофизиологических особенностей организма, природно-климатических условий и т. д.

В одних случаях эти ограничения продиктованы заботой государства о лицах, нуждающихся в особой социальной защите (несовершеннолетние, беременные женщины, инвалиды, работники Крайнего Севера и приравненных к ним районов, работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда и т. д.); в других, защитой интересов государства, общества, в частности, устанавливаются специальные правила регулирования труда работников транспорта, руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации, государственных служащих и др. При этом особенности регулирования труда, влекущие за собой снижение уровня гарантий работникам, ограничение их прав и свобод, повышение их дисциплинарной и (или) материальной ответственности, могут устанавливаться исключительно законом. Основой этих положений трудового права являются основные права и свободы, провозглашенные Конституцией РФ, которые согласуются с основополагающими принципами международного трудового права и нормами международного права, в частности со ст. 29 «Всеобщая декларация прав человека», провозглашающей, что «при осуществлении своих прав и свобод

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ ; от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»[1].

На наш взгляд, не всегда законны и обоснованы нормы дифференциации, иногда они ограничивают свободу труда и могут привести к дискриминации. Так, например, вызывают сомнения нормы ч. 12 ст. 332 Трудового кодекса РФ, в соответствии с которой: «В государственных и муниципальных высших учебных заведениях должности ректора, проректоров, руководителей филиалов (институтов) замещаются лицами в возрасте не старше шестидесяти пяти лет независимо от времени заключения трудовых договоров. Лица, занимающие указанные должности и достигшие возраста шестидесяти пяти лет, переводятся с их письменного согласия на иные должности, соответствующие их квалификации»[2]. В приведенном правиле введены ограничения трудовых прав и свобод по возрасту и в зависимости от организационно-правовой формы и формы собственности организации, что в соответствии с международными и национальными нормами трактуется как дискриминация. Конвенция Международной организации труда от 25 июня 1958 г. № 111 содержит следующее определение дискриминации — «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий»[3].

В ст. 3 ТК РФ содержится более широкое определение дискриминации. Закон относит любые ограничения в трудовых правах и свободах к дискриминации и вместе с тем конкретизирует признаки неравенства: «Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника»[4]. ТК РФ делает акцент и на том, что обстоятельства, не связанные с деловыми качествами, не могут служить основанием для установления каких-либо ограничений.

Педагогические работники не имеют статуса государственных служащих, не приравнены к ним в своих правах, хотя и выполняют одну из основных государственных задач — образование и воспитание подрастающего поколения. Определены особенности регулирования труда педагогических работников с учетом эмоциональных, интеллектуальных затрат, которые связаны с выполнением работы. Нарушается принцип равенства при установлении работникам государственных и муниципальных высших учебных заведений норм-ограничений по сравнению с работниками негосударственных организаций. Достижение определенного возраста по общему правилу не может быть основанием для перевода работника на другую работу и не может быть основанием для расторжения трудового договора, инициированным работодателем. Есть иные законные способы расторжения трудового договора с работником и его перевода на другую работу.

Правоприменительная практика судов способствует выявлению ограничений свободы труда, установленных законом, в частности ТК РФ, среди которых запрет осуществления педагогической деятельности. Согласно ст. 331 ТК РФ: «К педагогической деятельности не допускаются лица: лишенные права заниматься педагогической деятельностью в соответствии с вступившим в законную силу приговором суда; имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и

[1] Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Трудовой кодекс РФ : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28 дек. 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Относительно дискриминации в области труда и занятий : конвенция Международной организации труда от 25 июня 1958 г. № 111 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Трудовой кодекс РФ : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28 дек. 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против общественной безопасности; имеющие неснятую или непогашенную судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления»[1].

Определяя данные особенности, законодатель преследовал цель ограждения несовершеннолетних от лиц, которые могли бы создавать реальную угрозу их жизни, здоровью, нравственности. Но, как отмечается в постановлении Пленума Конституционного Суда РФ: «Устанавливая особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, федеральный законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод, используя при этом не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; при этом ограничения прав и свобод, во всяком случае, не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания»[2].

Суд установил, что федеральному законодателю надлежит определить «перечень видов преступлений, сам факт совершения которых — вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств — дает основание утверждать, что совершившие такие преступления лица представляют безусловную опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних»[3]. Федеральному законодателю надлежит также «установить порядок временного отстранения от исполнения трудовых обязанностей»[4]. Основания отстранения от работы содержит ст. 76 ТК РФ, порядок отстранения от работы в ТК РФ не установлен, лишь закреплено правило о том, что заработная плата работнику не начисляется, за исключением случаев, предусмотренных законом. Таким образом, постановление Конституционного Суда РФ, устанавливая неконституционность специальных норм в приведенном примере, дает толчок для развития законодательства и его совершенствования.

Наряду с законными существуют и незаконные способы ограничения свободы труда, под которыми, на наш взгляд, следует понимать любые действия или бездействия, препятствующие возможности работника свободно осуществлять свою трудовую деятельность (установление незаконных правил, создание условий труда, ограничивающих любые трудовые права и свободы работников). К ним относятся чаще всего нарушения работодателем трудового законодательства, злоупотребление правом. Так, распространенными причинами обращений граждан в Государственную инспекцию труда Иркутской области являются: «неоформление трудовых договоров в письменной форме; содержание в трудовых договорах условий по оплате труда, снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленным трудовым законодательством; невыплата всей суммы, причитающейся работнику в день увольнения, в том числе компенсации за неиспользованный отпуск; неоплата труда за сверхурочную работу и работу в выходные и нерабочие праздничные дни; нарушения трудового законодательства при изменении определенных сторонами условий трудового договора по инициативе работодателя; нарушения, связанные с вопросами расследования несчастных случаев на производстве и выплат по возмещению вреда, причиненного здоровью пострадавших; несогласие с квалификацией несчастных случаев»[5].

Ограничение свободы труда может проявляться при привлечении работника к принудительному труду, незаконном отказе в приеме на работу, при незаконных переводах (при поручении такой работы, которая не предусмотрена трудовым договором), увольнении работника, а также во всех случаях, когда незаконно ограничивается свободный выбор работы или не выплачивается заработная плата. Эти нарушения могут носить единичный характер в отношении конкретного работника и установленный, например, локальным нормативным актом

[1] Трудовой кодекс РФ : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28 дек. 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 3511 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Информационно-аналитический бюллетень Государственной инспекции труда в Иркутской области за 2012 год. — URL : http://git38.rostrud.ru.

работодателя в отношении неопределенного круга лиц. Так, «Ж. В. В. обратилась в суд с иском к МУП г. Орла "Управление по эксплуатации нежилых помещений" о взыскании заработной платы. В обосновании требований указала, что она работала в МУП г. Орла "Управление по эксплуатации нежилых помещений" юристом. Трудовой договор был расторгнут по собственному желанию. Она обратилась к работодателю за выплатой вознаграждения (премии) по результатам работы за год. В удовлетворении ее требования было отказано в связи с тем, что выплата вознаграждения предусмотрена только в отношении работающих на момент выплаты работникам, что предусмотрено Положением о выплате вознаграждения по итогам хозяйственной деятельности МУП г. Орла "УЭНП". Кроме того, ответчик указал, что коллективный договор МУП г. Орла "УЭНП" не предусматривает выплату вознаграждения работникам, уволенным по собственному желанию.

Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу, что Ж. В. В. в нарушение ст. 2 ТК РФ подверглась со стороны ответчика дискриминации в сфере труда, поскольку тот факт, что на момент издания приказа о выплате вознаграждения по итогам работы предприятия за год она в МУП г. Орла "Управление по эксплуатации нежилых помещений" не работала, юридического значения для разрешения данного спора не имеет.

При таких обстоятельствах, положение локального нормативного акта — Положения о выплате вознаграждения по итогам хозяйственной деятельности МУП г. Орла "Управление по эксплуатации нежилых помещений", предусматривающего выплату вознаграждения по итогам работы предприятия за год лишь тем работникам, которые состоят в трудовых отношениях с работодателем, применению не подлежит, поскольку в данной части допускает дискриминацию и ухудшает положение истицы, которая наравне с другими работниками предприятия имеет право на получение вознаграждения.

Довод апелляционной жалобы МУП г. Орла "Управление по эксплуатации нежилых помещений" о том, что по условиям трудового договора премия по итогам работы предприятия за год не являлась постоянной и безусловной составляющей заработной платы Ж. В. В., выплата такой премии зависела от усмотрения работодателя и производилась в соответствии с Положением о выплате вознаграждения по итогам хозяйственной деятельности МУП г. Орла "Управление по эксплуатации нежилых помещений", принятым работодателем, судебная коллегия признает несостоятельным, поскольку указанная премия является стимулирующей выплатой, входящей в состав заработной платы, и отказ в ее выплате ограничивает право истицы на вознаграждение за труд»[1]. В приведенном примере содержится и факт нарушения трудового законодательства в связи с принятием на локальном уровне актов, противоречащих основным принципам трудового права, и факт дискриминации в отношении конкретного работника.

Подводя итог, все же следует отметить, что в большинстве случаев ограничение свободы труда осуществляется работодателем в силу незнания основ трудового права, правового нигилизма, злоупотребления правом.

[1] Апелляционное определение Орловского областного суда от 23 мая 2013 г. по делу № 33-1058/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ожегов С. Ю., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1992. — 960 с.

2. *Семякин М. Н.* Идея свободы в частном праве // Российский юридический журнал. — 2012. — № 3. — С. 7–18.

REFERENCES

1. Ozhegov S. Yu., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1992. 960 p.

2. Semyakin M. N. The Idea of Freedom in Private Law. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal.* 2012, no. 3, pp. 7–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красноярова Елена Викторовна (Иркутск) — кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasnoyarova, Yelena Viktorovna (Irkutsk) — Ph.D. in Pedagogy, Ass. Professor, Chair of Civil Law and Process. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 343.6
ББК 67.408.111.1

Ю. С. Исаев
доктор медицинских наук, профессор
Иркутский государственный медицинский университет
И. В. Алексеев
кандидат медицинских наук, доцент
Иркутский государственный медицинский университет
П. В. Жоголев
Иркутское областное бюро судебно-медицинской экспертизы
Н. П. Ободенко
Иркутский государственный медицинский университет

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В РОССИИ

В статье рассматриваются современные представления о социальных и правовых аспектах эвтаназии в России. Проведен комплексный анализ действующего законодательства Российской Федерации, регламентирующего такое явление, как эвтаназия. Акцентируется внимание на наличие противоречий в российском законодательстве. Авторы считают, что для решения поставленной проблемы необходимы совместные разработки юристов и медиков для адекватной правовой регламентации эвтаназии на конституционном уровне с учетом опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: эвтаназия; убийство; преступления против жизни.

Yu. S. Isayev
Doctor of Law, Professor
Irkutsk State Medical University
I. V. Alekseyev
Ph.D. in Medicine, Ass. Professor
Irkutsk State Medical University
P.V. Zhogolev
Irkutsk Regional Bureau of Forensic Medical Examination
N. P. Obodenko
Irkutsk State Medical University

PROBLEMS OF A LEGAL REGULATION OF EUTHANASIA IN RUSSIA

The authors analyze contemporary views on the social and legal aspects of euthanasia in Russia and offer their evaluations. They have conducted a comprehensive analysis of current legislation of the Russian Federation regulating the phenomenon of euthanasia. The paper stresses contradictions in Russian legislation. The authors believe that lawyers and medical specialists should work cooperatively to resolve this problem and introduce adequate regal regulation for it on the constitutional level while taking international experience into account.

Keywords: euthanasia; murder; crimes against life.

Проблема эвтаназии была сформулирована в глубокой древности, так как уже тогда вызывала многочисленные споры среди медиков, философов и юристов. Древние греки под эвантазией подразумевали счастливую смерть без страданий и мучений. Впервые данный термин предложен в XVI в. Ф. Бэконом для обозначения «легкой», не сопряженной с мучительной болью и страданиями смерти, могущей наступить и естественным путем: «Долг врача состоит не только в том, чтобы восстановить здоровье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли... может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия... уже сама по себе является немалым счастьем» [1, с. 269]. В XIX в. эвтаназия стала обозначать «умерщвление пациента из жалости». Однако единого отношение к умышленно-

© Ю. С. Исаев, И. В. Алексеев, П. В. Жоголев, Н. П. Ободенко, 2014

му ускорению наступления смерти неизлечимо больного, даже с целью прекращения его страданий, никогда не было.

В развитии отечественной, мировой правовой и социальной науках последние годы ознаменованы ростом интереса к проблеме эвтаназии, ставшей одной из «болевых точек» общественно-правового сознания населения. В связи с признанием жизни индивида главной ценностью современной цивилизации и произошедших достижений в области научно-технического прогресса проблема эвтаназии приобрела качественно иное звучание. Фундаментальный характер ценности человеческой жизни по отношению ко всем правовым и нравственным реалиям возводит любую общественно-правовую проблему (например, допустимость смертной казни, абортов, клонирования человека), в том или ином аспекте затрагивающую право на жизнь, в ранг общечеловеческих, глобальных проблем. Каждая историческая эпоха предлагает для нее свое видение и решение. Современность особенно усложнила и актуализировала ее.

В Новом словаре иностранных слов эвтаназия рассматривается как «содействие наступлению смерти и тем самым прекращению страданий неизлечимо больных людей (с их согласия или с согласия родственников или опекунов при невозможности принятия решения находящимися без сознания, психически неполноценными и т. п. больными)» [4, с. 770]. В Большой медицинской энциклопедии зафиксировано: «Эвтаназия — намеренное ускорение наступления смерти неизлечимого больного с целью прекращения его страданий» [2, с. 555]. Большой юридический словарь эвтаназией называет «удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни» [3, с. 685]. Не смотря на некоторые различия в приведенных толкованиях, можно выделить присутствующие везде общие моменты — смерть человека и стремление сделать ее как можно более безболезненной любыми доступными способами.

Тем не менее, общепринятое терминологическое определение эвтаназии до сих пор отсутствует. Авторы, пытающиеся выработать единое понятие эвтаназии, делают акцент на разных сторонах исследуемого феномена: либо преимущественно на результате, либо на действиях, ведущих к этому результату, либо на мотивах соответствующих действий и их оценке, а иногда обсуждение этой проблемы происходит вообще при отсутствии какого-либо исходного определения. Комплексный характер эвтаназии как социально-правового явления обусловливает выделение ее различных форм, в совокупности которых проявляются ее сущностный характер и содержание [8, с. 4].

В науке существуют различные классификации видов эвтаназии. Выделяют пассивную и активную (критерий — позиция врача), добровольную и недобровольную (критерий — позиция пациента) эвтаназию.

Рассмотрим перечисленные первые два вида. «Пассивная эвтаназия просто означает осуществление недопустимости мер по использованию для сохранения жизни больного экстраординарных и чрезвычайных средств, если он не хочет их применения. Она также предполагает прекращение дальнейшего лечения, за исключением того, которое уменьшает боль. В этих случаях по желанию пациента должны быть прекращены даже внутривенные вливания и искусственное питание, при этом нельзя предпринимать попыток воскрешения (реанимации) человека, если его сердце или легкие перестали работать. Если пациент может выписаться из больницы для того, чтобы умереть дома, то ему нельзя препятствовать в этом» [7, с. 189]. «Под активной эвтаназией понимается умышленное причинение неизлечимо больному по его просьбе быстрой и легкой смерти с целью избавления его от мучительных физических страданий» [5, с. 36].

В России как активная, так и пассивная эвтаназия является преступлением и квалифицируются как умышленное убийство в соответствии с ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса РФ[1]. При назначении меры наказания лицу, виновному в эвтаназии (естественно, если не будут доказаны иные причины лишения жизни), будет учитываться смягчающее обстоятельство в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а именно совершение преступления по мотиву сострадания.

В российском законодательстве право на жизнь впервые провозглашено в 1991 г. в Декларации прав и свобод человека и гражданина. Жизнь человека заняла особое место и в числе объектов уголовно-правовой охраны. В соответствии со ст. 20 Конституции РФ «каждый имеет право на жизнь»[2]. Эта же норма закреплена всеми международными правовыми актами о правах человека.

---

[1] Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, ст. 2954.

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

Право на жизнь — неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Его содержание заключается в том, что никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. Также право на жизнь налагает на государство обязательство сделать все для того, чтобы человеческая жизнь оказалась вне опасности и предпринимать максимально эффективное расследование убийств. Но включает ли право на жизнь, в качестве своего структурного элемента право на смерть?

Анализ нормативно-правовых актов РФ показал, что право на смерть не имеет прямого легального закрепления в российском законодательстве, т. е. в законе право на жизнь законодатель ни в коем случае не преследовал цели закрепления и права на смерть. Допустить возможность реализации этого права можно лишь путем эвтаназии.

В юридической науке отсутствует признание за человеком права на уход из жизни (тем более с помощью третьих лиц), а в современном законодательстве не наблюдается такого рода нормы. Всесторонне закрепленное субъективное право на жизнь подразумевает под собой лишь право на сохранение жизни и гарантии его обеспечения. Современный правовой подход отвергает наличие у человека правомочий на отказ от жизни через эвтаназию [6, с. 36].

Прямого упоминания об эвтаназии в УК РФ нет, однако оно имеется в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее — ФЗ «Об основах»), где в ст. 45 изложено определение отношения законодателя к этой проблеме: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента»[1]. Аналогичный запрет содержит и текст клятвы врача, утвержденный в ст. 71 ФЗ «Об основах»: «Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь: никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии»[2]. В основу клятвы российского врача легла клятва Гиппократа, согласно тексту которой уже в IV в. до н. э. врач обещал: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». Эта же норма закреплена в Этическом кодексе российского врача[3]. Так, ст. 14 гласит: «Эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе, или по просьбе его близких, недопустима, в том числе и в форме пассивной эвтаназии»[4].

Отечественные законодатели и в будущем намереваются придерживаться данной позиции, о чем говорится в ст. 145 проекта ФЗ «О здравоохранении в Российской Федерации»: «Медицинским работникам запрещается удовлетворение просьбы законного представителя больного или самого больного о лишении его жизни (осуществление эвтаназии) какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни»[5].

Подобного мнения придерживается Русская православная церковь. Московский патриархат Русской православной церкви представил первый официальный документ о своем отношении к эвтаназии в 1999 г. [7, с. 189]. В заявлении церковно-общественного совета по биомедицинской этике «О современных тенденциях легализации эвтаназии» говорится: «Признавая ценность жизни каждого человека, его свободу и достоинство как уникальные свойства личности, созданной по образу и подобию Божию, православные священнослужители считают недопустимым реализацию любых попыток эвтаназии как действия по намеренному умерщвлению безнадежно больных людей, рассматривая эвтаназию как особую форму убийства. Совет выступает против эвтаназии в любой форме, поскольку ее применение неизбежно приведет к криминализации медицины и потере социального доверия к институту здравоохранения, к поруганию бесценного дара человеческой жизни, к умалению достоинства врача и извращению смысла его профессионального долга, к снижению темпов развития медицинского знания, в

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48, ст. 6724.

[2] Там же.

[3] Этический кодекс российского врача : утв. 4-й конференцией Ассоциации врачей России, нояб. 1994 г. — URL : http://www.med-pravo.ru.

[4] Там же.

[5] О проекте Федерального закона «О здравоохранении в Российской Федерации» : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 27 янв. 1999 г. № 3571-II ГД // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 6. — С. 313.

частности разработок методов реанимации и обезболивающих препаратов»[1].

Перечисленные нормы права показывают, что эвтаназия запрещена и наказуема. Однако некоторые нормативно-правовые акты РФ опосредованно содержат нормы, которые приводят к латентному применению пассивной эвтаназии. Обязывая врача идти до конца в борьбе с болезнью пациента, закон в то же время предоставил право больному отказаться по собственному усмотрению от медицинской помощи. В ст. 14 Этического кодекса российского врача под пассивной эвтаназией понимается «прекращение лечебных действий у постели умирающего больного. Врач обязан облегчить страдания умирающего всеми доступными и легальными способами»[2]. Ст. 20 «Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства» ФЗ «Об основах» гласит: «Гражданин, один из родителей или иной законный представитель имеют право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения»[3]. В таких случаях больному или его законному представителю в доступной для него форме должны быть разъяснены возможные последствия такого отказа, о чем оформляется специальная запись в медицинской документации, подписываемая врачом, больным или его законным представителем. Право на отказ от медицинского вмешательства подтверждается и ст. 19 «Права пациента» ФЗ «Об основах». Это соответствует международным нормам прав человека, но создает возможность легального использования пассивной эвтаназии путем «прекращения мер по поддержанию жизни», прямо запрещенных ст. 45 ФЗ «Об основах».

В случаях тяжелого, опасного для жизни состояния такое вынужденное бездействие врача может рассматриваться как применение пассивной эвтаназии, ведь очевидны два важных ее признака:

– просьба самого больного не оказывать ему помощь (после информирования врачом в доступной форме о возможных последствиях);

– неоказание медицинской помощи по жизнеобеспечению или прекращение искусственных мер по поддержанию жизни.

Подобное латентное разрешение эвтаназии содержит постановление Правительства РФ «Об утверждении правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, правил прекращения мероприятий и форм протокола установления смерти человека» от 20 сентября 2012 г. № 950: «Реанимационные мероприятия не проводятся… при состоянии клинической смерти на фоне прогрессирования достоверно установленных неизлечимых заболеваний или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимых с жизнью… Правила прекращения реанимационных мероприятий устанавливают случаи, когда данные мероприятия прекращаются при признании их абсолютно бесперспективными»[4].

Полагаем, что, закрепляя в постановлении данные нормы, Правительство России ни в коем случае не преследовало цели утверждения, даже опосредованно, на разрешение пассивной эвтаназии. Однако в российском законодательстве прописана процедура самой настоящей пассивной эвтаназии, когда врач сам не вмешивается в жизнь пациента с целью ускорения его смерти, но и не оказывает по просьбе больного необходимую помощь для продления жизни.

Таким образом, назрела острая необходимость однозначного правового решения вопроса об эвтаназии с указанием недопустимости применения активной эвтаназии, а определения перечня четких условий, разрешающих (в исключительных случаях) использовать пассивную эвтаназию. Принятие такого решения и осуществление эвтаназии должно быть в строгом соответствии с порядком, который, с учетом опыта других стран, должен быть разработан юристами и медиками и утвержден в конституционном порядке соответствующими ведомствами.

---

[1] О современных тенденциях легализации эвтаназии : утв. на заседании Церковно-общественного Совета по биомедицинской этике 3 мая 1999 г. — URL : http://ruskline.ru.

[2] Этический кодекс российского врача : утв. 4-й конференцией Ассоциации врачей России, нояб. 1994 г. — Ст 14. — URL : http://www.med-pravo.ru.

[3] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48, ст. 6724.

[4] Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека : постановление Правительства РФ от 20 сент. 2012 г. № 950 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 39, ст. 5289.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Соч. : в 2 т. — М., 1978. — Т. 2. — 575 с.
2. Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / под ред. *Б. П. Петровского.* — М., 1986. — Т. 27. — 576 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. *А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских*. — М., 2002. — 704 с.
4. *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н, Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. — М., 2003. — 784 с.
5. *Капинус О. С.* Эвтаназия как социально-правовое явление. — М., 2006. — 402 с.
6. *Капинус О. С.* Эвтаназия как социально-правовое явление: уголовно-правовые проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08. — М., 2006. — 60 с.
7. *Куртц П.* Запретный плод. Этика гуманизма / пер. с англ. *И. В. Кувакина.* — 2-е изд. испр. — М., 2002. — 22 с.
8. *Рыбин В. А.* Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ : автореф. дис. … д-ра филос. наук : 09.00.01. —Екатеринбург, 2006. — 42 с.

REFERENCES

1. Bekon Ph. *Novaya Atlantida* [New Altantis]. Moscow, 1978, vol. 2. 575 p.
2. Petrovskii B. P. (ed.) *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya : v 30 t.* [Great Medical Encyclopedia: in 30 Vol.]. Moscow, 1986, vol. 27. 576 p.
3. Sukharev A. Ya.(ed.) *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Great Law Dictionary]. Moscow, 2002. 704 p.
4. Zakharenko E. N., Komarova L. N, Nechaeva I. V. *Novyj slovar' inostrannykh slov* [New Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 2003. 784 p.
5. Kapinus O. S. *Evtanaziya kak sotsial'no-pravovoe yavlenie* [Euthanasia as a Socio-Legal Phenomenon]. Moscow, 2006. 402 p.
6. Kapinus O. S. *Evtanaziya kak sotsial'no-pravovoe yavlenie: ugolovno-pravovye problemy. Doct. Diss.* [Euthanasia as a Socio-Legal Phenomenon: Criminal Law Issues. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 60 p.
7. Kurtts P. *Zapretnyj plod. Etika gumanizma* [The Forbidden Fruit. Ethics of Humanism]. Moscow, 2002. 22 p.
8. Rybin V. A. *Philosophskie osnovaniya problemy evtanazii: metodologicheskij analiz Doct. Diss.* [Philosophical Basis of the Euthanasia Issue: Methodological Analysis. Doct. Diss. Thesis] Yekaterinburg, 2006. 42 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исаев Юрий Сергеевич (Иркутск) — доктор медицинских наук, профессор кафедры судебной медицины с основами правоведения. Иркутский государственный медицинский университет (664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1, e-mail: rpa38@mail.ru)

Алексеев Игорь Владимирович (Иркутск) — кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины с основами правоведения. Иркутский государственный медицинский университет (664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1, e-mail: rpa38@mail.ru)

Жоголев Павел Викторович (Иркутск) — врач судебно-медицинский эксперт. Иркутское областное бюро судебно-медицинской экспертизы (664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 4, e-mail: pachan.sme82@mail.ru)

Ободенко Надежда Петровна (Иркутск) — аспирант кафедры судебной медицины с основами правоведения. Иркутский государственный медицинский университет (664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1, e-mail: xnende@rambler.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Isayev, Yuriy Sergeyevich (Irkutsk) — Doctor of Medicine, Professor, Chair of Forensic Medicine and Basics of Jurisprudence. Irkutsk State Medical University (Krasnogo Vosstaniya st., 1, Irkutsk, 664003, e-mail: rpa38@mail.ru)

Alekseyev, Igor Vladimirovich (Irkutsk) — Ph.D. in Medicine, Ass. Professor, Chair of Forensic Medicine and Basics of Jurisprudence. Irkutsk State Medical University (Krasnogo Vosstaniya st., 1, Irkutsk, 664003, e-mail: rpa38@mail.ru)

Zhogolev, Pavel Viktorovich (Irkutsk) — Forensic Pathologist. Irkutsk Regional Bureau of Forensic Medical Examination (Gagarina blvd., 4, Irkutsk, 664003, e-mail: pachan.sme82@mail.ru)

Obodenko, Nadezhda Petrovna (Irkutsk) — Ph.D. student, Chair of Forensic Medicine and Basics of Jurisprudence. Irkutsk State Medical University (Krasnogo Vosstaniya st., 1, Irkutsk, 664003, e-mail: xnende@rambler.ru)

УДК 343.2
ББК 67

А. М. Смирнов
кандидат юридических наук, доцент
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ САМОСУДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье уделено внимание такому негативному социальному явлению, приобретающему широкую популярность среди населения России, как самосуд, под которым мы понимаем самостоятельное противоправное внесудебное реагирование граждан в форме возмездия на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций. Указывается, что спектр факторов, детерминирующих распространение данного негативного явления, весьма разнообразен, одно из основных мест среди которых занимает несправедливое по отношению к потерпевшим и весьма гуманное, относительно причинителей вреда, антикриминальное законодательство современной России. Раскрываются причины подобного дисбаланса уголовного закона, к которым относятся: постоянные процессы смягчения уголовных репрессий, явное несоответствие уголовно-правовых санкций преступному результату, широкие законодательные пределы наказуемости деяний, наличие законодательных возможностей освобождения от уголовной ответственности и наказания или максимальной минимизации мер государственного принуждения, принцип поглощения наказаний при совокупности преступлений или приговоров, мораторий на применение смертной казни. Особое внимание обращается на предпочтительность разрешения криминальных конфликтов в пользу причинителей вреда, а не потерпевших.

Ключевые слова: самосуд; внесудебные способы реагирования на преступность; гуманизм уголовного закона; несправедливость уголовного закона; эффективность противодействия преступности.

A. M. Smirnov
Ph. D. in Law, Ass. Professor
Research Institute, Russian Federal Penitentiary Service

CRIMINAL LAW DETERMINANTS OF THE SPREAD OF EXTRAJUDICIAL EXECUTIONS (LYNCHING) IN MODERN RUSSIA

The paper pays attention to the negative social phenomenon becoming widely popular with people in Russia — that of extrajudicial execution (lynching), which is understood as an independent illegal extrajudicial reaction of people taking the form of a retribution for the violation of legal norms established in the society as well as moral barriers, customs and traditions. The author points out that the factors determining the spread of this negative phenomenon are rather diverse, one of the leading places being held by the anti-criminal legislation of modern Russia that is unjust to the victims and rather humane to those who inflicted damage. The paper describes the causes of such a misbalance of criminal law that include: continuous processes of mitigating criminal punishment; evident discrepancy between criminal law sanctions and the criminal result, wide legislative changes in the punishability of actions, the existence of legislative opportunities for relief from criminal liability and punishment or the maximum minimization of state coercion measures, the principle the absorption of punishment for cumulative crimes or sentences, death penalty moratorium. The author draws special attention to the preferability of resolving criminal conflicts in favor of those who inflicted damage rather than victims.

Keywords: extrajudicial execution (lynching); extrajudicial ways of reacting to crimes; criminal law humanism; criminal law injustice; efficiency of crime counteraction.

© А. М. Смирнов, 2014

> Когда в стране законы не совершенны, их исполнение не обязательно, суды коррумпированы, никто не смеет отнимать у нас последнее право — самим защищать свою жизнь и жизнь своих детей, если иных способов нет. Это право не подлежит ограничениям.
>
> **М. И. Веллер**

Первобытное общество характеризовалось доминированием самостоятельных способов решения людьми различного рода конфликтов, которые индивидуально выбирали средства разрешения возникших противоречий. Со времени формирования в России государства оно делегировало себе право на насилие, одним из направлений осуществления которого является реагирование на антиобщественный образ жизни своих граждан. Для реализации данного направления была создана и постоянно развивается система правоохранительных органов во главе с судом. Не смотря на это, самостоятельное, внесудебное реагирование граждан (самосуд) на преступления и антисоциальный образ жизни продолжает оставаться атрибутом российского общества.

Под *самосудом* мы понимаем негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное внесудебное реагирование граждан в форме возмездия на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций [9, с. 13].

В настоящее время самосуды среди граждан России приобрели особую популярность. К сожалению, статистически доказать мы это не можем в силу отсутствия специальной отчетности, однако никто (от обычного гражданина до представителя науки или власти) данный тезис отрицать не будет. Обобщение сведений, озвученных в средствах массовой информации, показало, что значительная часть (75 %) современных россиян готовы совершить самосуд, т. е. умышленно нарушить закон ради защиты себя или своих близких[1].

Анализ социально-правовой природы самосуда показал, что он является многоаспектным социальным явлением, имеющим достаточно широкий спектр детерминирующих факторов, одно из основных мест среди которых занимает несправедливое по отношению к потерпевшим и весьма гуманное, относительно причинителей вреда, антикриминальное законодательство современной России. Подтверждением данного тезиса может служить мнение В. Рудакова о том, что российское уголовное законодательство настолько «гуманизировалось» усилиями власти, что многие наказания вызывают у преступников лишь улыбку и вздохи облегчения [5].

Типичным выводом, к которому приходят исследователи вопроса восстановления социальной справедливости мерами уголовно-правового характера является то, что отсутствие в законе достаточного потенциала на восстановление данной справедливости, соответствующее социальным ожиданиям, приводит к тому, что граждане перестают уважать закон, начинают испытывать недоверие к суду и сами берутся принимать меры к восстановлению справедливости в обществе, т. е. вершить самосуды над причинителями вреда.

Анализ положений отечественного уголовного закона и правотворческой деятельности в области борьбы с преступностью позволил выделить следующие уголовно-правовые детерминанты самосудов в России:

1. Доминирование процессов смягчения уголовных санкций за совершение преступных деяний над ужесточением.

2. Несправедливость уголовно-правовых санкций, выражающаяся в:

– наличии слишком мягких санкций, явно не соответствующих характеру и степени общественной опасности совершенных преступлений;

– несоответствии санкций статей за деяния, имеющие равный преступный результат;

– установлении менее строгих санкций за преступления, имеющие более социально опасные последствия;

– отсутствии нижнего предела наказуемости преступных деяний у ряда санкций уголовно-правовых норм, даже предусматривающих ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления.

3. Широкие законодательные пределы наказуемости деяний (большой «вилки» мер государственного принуждения).

4. Наличие законодательных возможностей освобождения от уголовной ответственности и наказания или максимальной минимизации характера мер государственного принуждения.

5. Присутствие принципа поглощения наказаний при совокупности преступлений или приговоров.

[1] Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости. — URL : http://www.1tv.ru/news/social/216619.

6. Мораторий на применение смертной казни.

Уделим некоторое внимание характеристике и обоснованию правдивости сделанных нами выводов.

Бесспорно, Уголовный кодекс современной России (УК РФ)[1] в сравнении с Уголовным кодексом РСФСР 1960 г.[2] по отдельным положениям выглядит более суровым. В частности, в силу увеличения в два раза продолжительности сроков лишения свободы (ст. 56 УК РФ), закрепления пожизненного лишения свободы (ст. 57 УК РФ) и смертной казни (ст. 59 УК РФ). Однако установление различных правовых условий применения данных наказаний, а также весьма ограниченные возможности их практического исполнения сводят на нет возможность их реализации.

Пожизненное лишение свободы может назначаться за незначительный круг наиболее общественно опасных, с точки зрения законодателя, преступных деяний (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; половые преступления, совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего; террористический акт при особо отягчающих обстоятельствах; организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии; оборот наркотических средств в особо крупных размерах; посягательство на жизнь общественного или государственного деятеля, сотрудника правоохранительных органов; геноцид и т. д.). Данный вид государственного принуждения не применяется в отношении женщин, а также лиц, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчин, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста (ч. 2 ст. 57 УК РФ); при явке с повинной, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием, вердикте присяжных заседателей; наличии исключительных смягчающих обстоятельств и т. д.

Как показывает судебная практика, строгость уголовного закона, проявленная в ужесточении санкций (в частности, содержащих в себе лишение свободы), в реальности выразилась в нечастом назначении судами максимально возможных сроков изоляции от общества даже за особо тяжкие преступления против личности. Иначе говоря, строгость закона в России нивелируется мягкостью практики его применения. Так, например, согласно официальной статистике ФСИН России в 2014 г. реальные сроки лишения свободы свыше 10 лет в исправительных колониях отбывало не более 17 % осужденных[3].

Результаты исследований сотрудников НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ в 2004–2009 гг. свидетельствуют, что в России пожизненное лишение свободы за умышленное убийство было назначено от 0,2 до 0,5 % от общего количества всех осужденных за это преступление, а максимальный срок лишения свободы — лишь от 3,2 до 4,6 % всех преступников. Большая часть убийц в России получала незначительные сроки лишения свободы и с помощью института условно-досрочного освобождения выходила на свободу уже через 3–4 года. Больше того, за нанесение тяжкого вреда здоровью (в том числе и повлекшего смерть — фактически, это убийство) в 2004–2009 гг. максимальный срок лишения свободы был назначен только двоим лицам из 234,4 тыс. осужденных за это преступление; еще треть таких убийц (от 32,6 до 36,9 %) даже не попали за решетку — суды назначили им условные наказания [8]. Смертная казнь в силу моратория, установленного на ее применение с 1996 г., в России вообще не применяется[4].

В рамках своего исследования мы полностью согласны с точкой зрения Е. В. Топильской о том, что в России исключили смертную казнь в довольно неудобный для страны момент, когда отмечается небывалый рост преступности, когда Россия превращается в одну большую «Кущевку». Нельзя не согласиться и с мнением Д. Пучкова о том, что в США — «цитадели демократии», на которую мы привыкли равняться, смертную казнь в отдельных штатах никто не отменял[5].

[1] Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, ст. 2954.

[2] Уголовный кодекс РСФСР : закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40, ст. 591.

[3] ФСИН России. — URL : http://fsin.su.

[4] О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы : указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 // Российская газета. — 1996. —21 мая.

[5] Открытая студия : телевизионная программа на телеканале «5 канал». — URL : www.5-tv.ru.

Э. Ф. Побегайло, отмечая кризис современной уголовной политики России, обращает внимание, что в условиях слабости действий нравственных и правовых норм, хрупкости демократических институтов и традиций, отсутствия правовой государственности отказ от применения к особо злостным преступникам (убийцам и террористам) смертной казни выглядит необоснованным [3, с. 135]. Поэтому у нас не вызывает удивление то обстоятельство, что зная о том, что смертная казнь в России не реализуется, граждане, задержавшие на месте преступления, например, серийного убийцу, сексуального маньяка или, что еще хуже, педофила, стремятся совершить над ними самосуд, доходящий до лишения жизни причинителю вреда, чтобы хотя бы таким путем восстановить справедливость.

Присоединяясь к данным точкам зрения и выступая в поддержку реанимации в России смертной казни, со своей стороны отметим, что доводы против ее применения в России являются, по нашему мнению, наивными и банальными, выглядят не иначе, как игра в «гуманизацию». Обобщая их, мы приходим к однозначному мнению, что следует вообще отказаться от уголовных наказаний, поскольку реализация каждого из них, по сути, далека от эффективности.

В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на серьезные расхождения в оценке санкциями статей УК РФ однородных преступлений; на неоправданно резкие различия в санкциях статей, предусматривающих смежные составы преступлений; на наличие завышенных или, напротив, заниженных санкций, не соответствующих истинному характеру и степени общественной опасности запрещаемых деяний; на взаимную рассогласованность санкций между собой [4, с. 101].

Так, в ходе проведенного Ю. В. Голиком и А. И. Коробеевым исследования группы транспортных преступлений им удалось установить, что санкции ст. 263, 264, 266, 267, 269 УК РФ не соответствуют в полном объеме ни характеру и степени общественной опасности этих преступлений, ни особенностям личности преступников, их совершивших. Анализ действующего уголовного законодательства и практики его применения позволил указанным авторам прийти к выводу, что санкции многих статей о транспортных преступлениях чрезмерно завышены (ч. 3 ст. 263, 264, 269 УК РФ) или, напротив, занижены (ст. 271 УК РФ), имеют неоправданно большие интервалы между верхними и нижними пределами (ст. 166, 211 УК РФ), не всегда согласованы между собой.

Показателен в этом отношении подход законодателя к оценке степени общественной опасности различных преступлений (в том числе и транспортных), причиняющих по неосторожности смерть потерпевшему. Так, санкция ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) содержит наказание в виде 2 лет лишения свободы. Если даже исходить из того, что максимальное наказание за неосторожное преступление не должно превышать 5 лет лишения свободы, то и в таком случае решение законодателя, воплощенное в ст. 109 УК РФ, следует признать недостаточно последовательным. Неосторожное причинение смерти, бесспорно, является одним из самых опасных видов неосторожных преступлений, а потому санкция в ст. 109 УК РФ должна содержать максимальное для данной разновидности преступлений наказание. Однако она не только не содержит гипотетически считающийся оптимальным размер наказания до пяти лет лишения свободы, но и существенно отличается от санкций, предусматривающих наказание за другие виды неосторожного посягательства на жизнь человека [1, с. 110].

Для отечественного законодателя, исповедующего модные идеи гуманизма, форма вины и обстоятельства совершения преступления имеют принципиальное значение для установления санкций за его исполнение. Однако для обычных российских граждан это абсолютно не важно, каким образом было совершено общественно опасное деяние. Для них главное значение имеет преступный результат. И это вполне очевидно, поскольку для потерпевшего не имеет никакого значения, каким образом он лишился близкого, родного и любимого для него человека.

Если анализировать санкции статей УК РФ с точки зрения их соразмерности преступному результату, то это не выдерживает никакой критики. Жизнь человека в одних случаях оценивается от 6 до 15 лет изоляции от общества (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ), в других — от 0 до 5 лет (например, ч. 3 ст. 264 УК РФ), а может и не более 2 лет (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Если жизнь человека для уголовного закона столь малоценна, то о здоровье личности и говорить не приходиться — санкции за причинение вреда здоровью (даже тяжкого) еще более ничтожны. Подобное поло-

жение вещей в области уголовно-правовых отношений можно объяснить только парадоксальным нежеланием законодателя, находящегося под влиянием различного рода гуманистов и правозащитников, учитывать интересы потерпевших.

Для российской судебной системы особенно не важны переживания жертв (потерпевших) от преступных посягательств, их искалеченные судьбы, проблемы, с которыми им приходиться оставаться один на один после совершенного преступления. Главное — преступник гуманно осужден и отбывает наказание в цивилизованных, комфортных условиях (если дело касается лишения свободы), зачастую о которых он и не мечтал, живя на свободе и ведя социально неодобряемый образ жизни. В связи с чем у нас и не вызывает удивление практика «народного суда» над различного рода преступниками, потому что граждане попросту не хотят отдавать причинителей вреда «в руки» столь гуманного правосудия.

Популярность самосудов в России существенно обуславливают примеры лишений жизни нескольких невинных граждан, особенно детей, в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) по причине крайней безответственности лиц, позволяющих нарушать правила дорожного движения, особенно садясь за руль своего автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, и последующая реакция государства на эти деяния.

Не трудно понять волну народного гнева и желания самостоятельно расправляться с водителями-убийцами, когда, например, в состоянии алкогольного опьянения Е. Заул у Старой Купавны насмерть сбивает своим автомобилем пятерых человек, один из которых 7-летний ребенок, или А. Максимов, также в подобном состояние в г. Москве, не справившись с управлением своего автомобиля, лишает жизни семерых человек, пять из которых дети. В результате чего им вменяют ч. 6 ст. 264 УК РФ, предусматривающую не более 9 лет лишения свободы. При осуждении по данной норме к лишению свободы и назначению максимально возможного срока изоляции от общества по правилам условно-досрочного освобождения виновники подобных ДТП освобождаются примерно через 6 лет, т. е. реально отбыв гораздо меньший срок лишения свободы.

Конечно же, не иначе как издевательством уголовного закона над потерпевшими можно назвать привлечение к уголовной ответственности виновников пожара в пермском клубе «Хромая лошадь», повлекшего смерть 156 человек, когда виновникам данной трагедии были вменены статьи УК РФ, предусматривающие санкции не более 7 лет изоляции от общества.

Но и это еще не все. В УК РФ есть «прекрасные» правовые институты, такие как обстоятельства, смягчающие наказание, вменяемость, давность привлечения к уголовной ответственности, общие начала назначения наказаний, умелое использование которых профессиональной адвокатской защитой может значительно сократить размер возможных наказаний или вообще добиться условного осуждения для преступника. Теоретически, да и практически тоже, указанные гуманные институты отечественного уголовного закона в купе с коррупционностью отечественного правосудия, судебной волокитой и неспешностью «машины правосудия», неожиданной утратой доказательств или признанием их недостаточности, влиянием на принимаемые судьями решения властьимущих граждан и богатых бизнесменов предоставляют для причинителей вреда весьма широкие возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания или максимальной минимизации мер государственного принуждения, т. е. фактической безнаказанности [7].

Так, например, прокурор по делу упомянутой Е. Заул был весьма удивлен назначением ей 8 лет лишения свободы, поскольку она является матерью двух малолетних детей. Президент Федерации автовладельцев России С. Канаев в телевизионной программе «Пусть говорят» по этому поводу публично заявил: «В последнем моем разговоре с заместителем начальника ГИБДД г. Москвы он мне сказал, что 80 % людей которых мы задерживаем в состоянии алкогольного опьянения при совершении ими ДТП — “вне закона”. Мы ничего не можем с ними сделать. И все ваши ужесточения они ни к чему не приведут. Здесь заведомо безответственность, безнаказанность и коррупция»[1].

Возможности минимизации мер государственного принуждения предоставляют и широкий разброс санкций в статьях УК РФ, как его еще называют «вилки» мер государственного принуждения. В этой связи С. И. Дементьев, бесспорно, прав, указывая, что чрезмерно широкие законо-

[1] Пусть говорят : телевизионная программа на телеканале «Первый канал».

дательные пределы наказуемости даже при достаточно высоком уровне правосознания судей оставляют неоправданно большие возможности для судейского усмотрения, таящего в себе опасность произвола, или, во всяком случае, разброса мнений, неодинаковости решении по однородным уголовным делам и т. п. [1, с. 111–113].

В. Овчинский справедливо отмечает, что законодатели, конечно, очень гордятся своим гуманизмом. При этом они не понимают, или не хотят понять, что общество отвергает эту гуманизацию. Опросы всех российских социологических центров показывают, что граждане ждут от власти ужесточения наказания по отношению к преступникам, но законодатели принимают абсолютно противоположные решения [2].

Дополнительный стимул для роста народного недовольства чрезмерной гуманизацией отечественного уголовного законодательства и практики его применения создал весной 2011 г. федеральный закон, согласно которому были отменены нижние пределы санкций за совершение порядка 110 общественно опасных деяний, среди которых тяжкие и особо тяжкие составы преступлений[1].

Это, по нашему мнению, является серьезным стимулом к разгулу преступности и криминальному произволу в России, расширению возможностей практической безнаказанности преступников, поскольку результаты проведенного нами социологического исследования показывают, что 85 % граждан и мужчин, отбывающих лишение свободы, в том числе длительные сроки изоляции от общества, указали, что задуматься о совершении преступления в большей степени заставили бы их не максимально возможные, а минимально неизбежные сроки изоляции от общества, а также степень вероятности их назначения судами [6, с. 18].

Еще одним ярким примером законодательной безнаказанности преступников, по нашему мнению, является принцип поглощения более строгого наказания менее строгим (ст. 69, 70 УК РФ). На практике он позволяет преступникам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления, дополнительно совершить ряд менее тяжких деяний, ибо размер окончательного наказания в таком случае существенно не изменится.

Таким образом, крайняя неадекватность и несправедливость современного уголовного законодательства, позволяющая судам выносить практически ничтожные относительно преступных последствий приговоры, антигуманность УК РФ по отношению к жертвам преступных посягательств, слабая защищенность от преступности и антисоциального образа жизни приводит не только потерпевших, но и иных граждан в состояние отчаяния, аккумулируя у них при этом мысли о внесудебных способах реагирования на причинителей вреда, наиболее популярным из которых выступает самосуд.

Россию от еще большей волны самосудных расправ над преступниками спасает юридическая безграмотность ее граждан, их неосведомленность о всех гуманных по отношению к преступникам положений отечественного уголовного закона.

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ // Российская газета. — 2011. — 11 марта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голик Ю. В., Коробеев А. И.* Преступность — планетарная проблема (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). — СПб., 2006. — 215 с.

2. *Овчинский В.* Суд и самосуд // MK.ru. — 2011. — 7 сент. — URL : http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html.

3. *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сб. науч. тр. — Саратов, 2004. — С. 87–109.

4. Российское уголовное право : курс лекций : в 7 т. / под ред. *А. И. Коробеева*. — Владивосток, 1999. — Т. 1 : Преступление. — 604 с.

5. *Рудаков В.* Под дулом пистолета. К чему приведет вооружение народа // Отечественные записки : прил. к газете «Советская Россия». —2013. — 14 марта.

6. *Смирнов А. М.* Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. — Вологда, 2009. — 24 с.

7. *Смирнов А. М.* Уголовно-правовая безнаказанность. — М., 2014. — 464 с.

8. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. *С. М. Иншакова*. — М., 2011. — 839 с.

REFERENCES

1. Golik Yu. V., Korobeev A. I. *Prestupnost' — planetarnaya problema (K itogam XI Kongressa OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugolovnomu pravosudiyu)* [Crime as a Global Issue (To the Results of the 9th UN Congress on Crime Prevention and Criminal Justice)]. Saint-Petersburg, 2006. 215 p.

2. Ovchinskij V. *Sud i samosud* [Law and Lynch Law]. Available at: URL : http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html.

3. Pobegajlo E. Ph. *Prestupnost' i ugolovnoe zakonodatel'stvo: realii, tendentsii, vzaimovliyanie* [Crimes and Criminal Legislation: Actual Situation, Trends, Mutual Impact]. Saratov, 2004. Pp. 87–109.

4. Korobeev A. I. (ed). *Rossijskoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vladivostok, 1999. Vol. 1. Prestuplenie. 604 p.

5. Rudakov V. At gunpoint. What will the arming of the people. *Otechestvennye zapiski: pril. k gazete «Sovetskaya Rossiya» – Domestic Essays: A supplement to the newspaper «Soviet Russia»*. March 14, 2013 (in Russian).

6. Smirnov A. M. *Dlitel'nye sroki lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh muzhchin (ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty). Avtoref. Kand. Diss.* [Long-term Incarceration of Convicted Men (Criminal Law and Criminal Execution Aspects). Cand. Diss. Thesis]. Vologda, 2009. 24 p.

7. Smirnov A. M. *Ugolovno-pravovaya beznakazannost'* [Criminal Law Impunity]. Moscow, 2014. 464 p.

8. Inshakov S. M. (ed). *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoj prestupnosti* [Theoretical Basis for the Research and Analysis of Latent Crimes]. Moscow, 2011. 839 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Михайлович (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», e-mail: niifsin_smirnov@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUHTOR

Smirnov, Aleksandr Mikhailovich (Moscow) — Ph. D. in Law, Ass. Professor, Leading Researcher. Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Narvskaya st., 15a, Moscow, 125130, e-mail: niifsin_smirnov@mail.ru)

УДК 343.9
ББК 67.511

П. В. Тепляшин
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт ФСКН России
Г. С. Набиев
Юридический институт
Красноярского государственного аграрного университета

ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПОСТАВКИ ТОВАРОВ, ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ И ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется криминологическая обусловленность посягательств в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг. Критикуются законодательные основы контрактной деятельности органов местного самоуправления, приводятся соответствующие результаты опроса населения. Показывается общественная опасность данного вида преступности. Отмечается влияние особенностей публичной деятельности органов местного самоуправления на проявления преступности в этой сфере. Делается вывод о ее латентном характере и коррупционном содержании.

Ключевые слова: выполнение работ; коррупция; латентность; местное самоуправление; общественная опасность; оказание услуг; поставка товаров; преступность.

P. V. Teplyashin
Ph. D. in Law, Ass. Professor
Siberian Law Institute, Russian Federal Service for Drug Control
G. S. Nabiyev
Law Institute
Krasnoyarsk State Agrarian University

THE CONCEPT AND SOME CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF PROVIDING GOODS, WORKS AND SERVICES FOR MUNICIPAL NEEDS (THEORETICAL ASPECT)

The paper analyzes the criminological determination of infringement in the sphere of providing goods, works and services. The authors criticize the legislative basis of local authorities' contract management and present the corresponding results of public opinion polls. They also expose the public danger of this type of crimes and show the impact of local authorities' public activities on the manifestation of crimes in this sphere. The authors draw some conclusions regarding their latent character and corruption content.

Keywords: provision of works; corruption; latency; local authorities; public danger; provision of service; supplying goods; criminality.

Криминологическое понятие преступности в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд остается мало разработанным в отечественной криминологии. Однако рассмотрение системы предпосылок появления и обособления соответствующего вида преступности имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет в конечном счете отразить сущность общественно опасного явления, оценить правильность конструктивного построения соответствующих, в первую очередь уголовно-правовых норм, их эффективность и направления криминологического воздействия на данный вид преступности.

Появление исследуемого вида преступности связано с определенным моментом развития общества и государства, обусловлено рядом взаимосвязанных и взаимозависимых обстоятельств. Необходимо подчеркнуть, что только на определенной стадии развития системы государственного аппарата, органов местного самоуправления и соответствующих потребностей обще-

© П. В. Тепляшин, Г. С. Набиев, 2014

ства начинается формирование уголовно-правовых норм, направленных на защиту сферы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд. Э. Ф. Побегайло указывает на то обстоятельство, что изменения в уголовном законодательстве должны быть криминологически обоснованы, при этом предполагается тщательный учет выявляемых и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых ее видов, контингента преступников и т. п. [5, с. 89].

Преступные посягательства в сфере функционирования института местного самоуправления, подтачивая основы гражданского общества и попирая социальные права граждан, обладают особой общественной опасностью, поскольку специфика подобных посягательств состоит в их осуществлении, как правило, муниципальными служащими, что также обуславливает определенную латентность соответствующих общественно опасных проявлений и потребности в особом криминологическом воздействии на исследуемый вид преступности. Не случайно сложный, процедурный и слабо транспарантный порядок осуществления поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд потребовал с 1 января 2014 г. замены Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ[1] Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ[2]. В этом плане С. С. Матевосян не без основания указывает, что принятие Закона № 44-ФЗ «является одним из направлений реализации антикоррупционной политики государства в сфере осуществления закупок, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Устанавливается новый порядок осуществления закупок, в частности появляется контрактная система. Основной целью закона является повышение прозрачности осуществления закупок для государственных нужд, о чем свидетельствует регулирование законом всех стадий осуществления закупок: с момента планирования до оценки результатов закупок» [4, с. 65]. Заслуживает внимания вопрос соотношения позиций высших судебных инстанций по применению положений № 94-ФЗ и норм № 44-ФЗ, регулирующих сходные по сути правоотношения. Как отмечает С. А. Викторова, «логично было бы предположить, что сложившиеся судебные подходы найдут закрепление в новом законе, однако этого не произошло» [1, с. 31]. Так, обнаруживается рассогласованность Высшего Арбитражного Суда РФ и законодателя по вопросам, разрешенным данным судом после подготовки и опубликования проекта Федерального закона № 44-ФЗ. В частности, только в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 сентября 2012 г. № 5128/12 было определено правило применения указанного Федерального закона в случаях размещения заказов при заключении договора купли-продажи недвижимого имущества, а именно к отношениям, связанным с приобретением в муниципальную собственность недвижимого имущества, данный закон не применятся[3]. Вместе с этим в Федеральном законе № 44-ФЗ закрепляется иное правило о том, что настоящий закон регулирует заключение гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), что демонстрирует игнорирование позиции Высшего Арбитражного Суда РФ по этому вопросу и детерминирует нестабильность в гражданско-правовом обороте, а также провоцирует правоприменителя к нарушениям в сфере применения законодательства о закупках.

Практическую значимость взаимосвязи сферы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд и уровнем прав и свобод человека и гражданина подтверждают результаты проведенного в период с февраля по май 2013 г. анонимного опроса 400 жителей г. Красноярска, Ачинска, Лесосибирска, Енисейска. Так, на вопрос «Существует ли связь между уровнем нарушения социальных прав граждан и качеством работы органов местного самоуправления?» ответили утвердительно 82 % респондентов. Данные результаты с очевидностью демон-

[1] Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 30 (ч. 1), ст. 3105.

[2] Там же. — 2013. — № 14, ст. 1652.

[3] О признании незаконным решения антимонопольного органа. Обстоятельства: Заявитель заключил договор купли-продажи недвижимого имущества без проведения торгов : постановление Президиума ВАС РФ от 25 сент. 2012 г. № 5128/12 по делу № А40-8156/11-2-72 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2013. — № 1.

стрируют нежелание населения мириться с неэффективной работой органов местного самоуправления. Вместе с тем, на вопрос «Какие именно недостатки и дефекты функционирования органов местного самоуправления вы можете назвать?» лишь 11 % указали на нарушения в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд (при этом 12 % достаточно расплывчато ответили на поставленный вопрос). Эти результаты подтверждают значительную латентность рассматриваемого вида преступности. На этом основании можно сформулировать тезис о том, что преступности в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд корреспондируют основные свойства латентной преступности.

Как представляется, население муниципального образования ущемляется в получении экономических, социальных и духовных благ и потребностей посредством не только совершения конкретных общественно опасных деяний, но и тем фактом, что эти деяния совершаются именно муниципальными служащими. Следовательно, запускается механизм причинения вреда интересам местного самоуправления, который неразрывно связан с должным порядком несения службы должностными лицами и служащими муниципальных образований. Здесь мы видим мутацию предполагаемого положительного поведения в асоциальное и даже преступное путем активных или пассивных действий служащих местного самоуправления, что в свою очередь детерминирует совершение большинства посягательств, направленных на грубейшее попирание интересов службы в органах местного самоуправления, специальными субъектами, материализующими общественные интересы посредством обладания публичными правами и обязанностями.

В результате разрушается в первую очередь установленный порядок взаимодействия публичных и частных субъектов местного самоуправления, публичных и общественных интересов, что выражается в конкретном поведении участников общественных отношений, обязанных обеспечивать интересы местного самоуправления. Максимальная степень гарантирования данных обязанностей проявляется посредством формализации в уголовном законодательстве ряда уголовно-правовых норм, заключенных в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственно службы и службы в органах местного самоуправления»[1].

Преступность, выступающая объектом нашего криминологического исследования, проявляется не только в пространственных границах функционирования местного самоуправления, но и тесно «вплетена» в сферу осуществления самой муниципальной службы. Ведь появление данной разновидности службы в Российской Федерации связано с формированием местного самоуправления, а также нового профессионального звена лиц, осуществляющих данный специфический вид деятельности. В свою очередь процесс постепенного «отделения» сферы местного самоуправления от государственной власти и одновременное закрепление в его содержании известных публичных начал привели к включению в ряд уголовно-правовых норм, заключенных в гл. 30 УК РФ, муниципальных служащих как специальных субъектов преступлений — служащих и должностных лиц органов местного самоуправления.

Общественная опасность исследуемого вида преступности состоит в преступных последствиях, выражающихся в прямом нарушении социальных возможностей, а именно:

– общественные отношения, поставленные в качестве объекта охраны, отражают поведение человека, связанное не только с материальными, но и с нематериальными, не обладающими вещной оболочкой благами;

– реализация возможностей субъектов данных отношений, как правило, обеспечивается позитивным поведением самого виновного. Действующий субъект, которым в первую очередь выступает служащий органа местного самоуправления, нарушает охраняемые общественные отношения путем трансформации своего социального статуса, исключая себя из этих отношений, не исполняя лежащие на нем обязанности (данные обязанности являются содержанием общественного отношения). Реализация социальной возможности в ее конкретном проявлении доверяется одной из сторон контракта по закупке товаров, которая в дальнейшем действует вразрез с соответствующими нормативными предписаниями. В результате общественная опасность исследуемого вида преступности заключается в ущемлении возможности государства и местного населения

[1] Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

по обеспечению решений населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов, связанных с реализацией контрактной системы в сфере поставки товаров (работ, услуг), и посредством этого в нарушении нормальных условий достижения интересов органов местного самоуправления.

Можно утверждать, что данные преступления в силу их социально-правовых и специально-криминологических свойств в целом относятся к разряду коррупционных. Так, официальное определение коррупции, закрепленное в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ[1], отражает перечень преступлений, структурно входящих в преступность в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд. Ведь без учета всех форм и видов преступных коррупционных проявлений, имеющих место в нашем обществе и государстве, невозможно выяснить истинное состояние коррупционной преступности и, соответственно, принять адекватные меры по ее профилактике. Исследуемые проблемы, связанные с криминологическими свойствами преступности в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд, позволяют утверждать, что в настоящее время не сформировалось целостное отражение в системе уголовно-правовой статистики сведений о коррупционных преступлениях. Как точно отмечает Г. С. Гончаренко, «российский законодатель вряд ли целенаправленно стремится криминализировать все известные формы общественно опасного коррупционного поведения. Многие его решения в этой сфере выглядят бессистемно. Так, например, до настоящего времени отсутствует в УК РФ прямой состав за преступления, совершаемые в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» [2, с. 60].

Проведенный сбор эмпирического материала путем анонимного опроса общественного мнения показал, что на вопрос «Имеет ли место коррупция в органах местного самоуправления при осуществлении контрактной системы в сфере закупок товаров, услуг, работ?» 71 % респондентов ответили утвердительно и лишь 4 % отрицательно, остальные затруднились с ответом.

Необходимо обратить внимание на своеобразное «делегирование» муниципалитетом соответствующих функций иным организациям и объединениям, что, зачастую, ведет к криминальной «зараженности» этих субъектов. В связи с этим в средствах массовой информации можно очень часто встретить сведения о том, что достаточно распространены «хищения денежных средств, выделенных из федерального или местного бюджета для проведения капитального ремонта жилых домов, различных коммуникаций, котельных, в том числе путем завышения объемов выполненных работ. Также нередко встречаются преступления, связанные с завышением сотрудниками ТСЖ сумм, требуемых с собственников жилья в счет оплаты коммунальных услуг, и присвоения поступивших денежных средств» [3, с. 105].

Таким образом, преступность в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд может быть изложена в виде следующего определения: социально-правовое, относительно-массовое и исторически изменчивое явление, состоящее из совокупности общественно опасных деяний, предусмотренных гл. 30 УК РФ, и тесно связанных с нарушением порядка поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд, свершаемых служащими органов местного самоуправления и, соответственно, наполненных коррупционным содержанием.

Изложенное демонстрирует научно-теоретическую и практическую ценность криминологического исследования преступности в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд, а также показывает важность дальнейшей всесторонней проработки данной проблемы.

[1] Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1), ст. 6228.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Викторова С. А.* Закупки для государственных и муниципальных нужд: проблемы переходного периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 12 (38). — Ч. 2 . — С. 30–32.

2. *Гончаренко Г. С.* Понятие, сущность и виды коррупции современной России // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 6. — С. 58–61.

3. Криминал в ЖКХ // Административное право. — 2011. — № 3. — С. 105–109.

4. *Матевосян С. С.* О некоторых особенностях правового статуса субъектов контрактной системы закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2013. — № 8 (39). — С. 59–65.

5. *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сб. науч. тр. / под ред. *Н. А. Лопашенко*. — Саратов, 2004. — С. 87–109.

REFERENCES

1. Viktorova S. A. Procurement for State and Municipal Needs: Problems of the Transition Period. *Istoricheskie, philosophskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Criticism. Issues of Theory and Practice,* 2013, no. 12 (38), Vol. 2, pp. 30–32 (in Russian).

2. Goncharenko G. S. The Concept, Essence and Types of Corruption in Contemporary Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law,* 2010, no. 6, pp. 58–61 (in Russian).

3. Criminal Activities in Public Utilities' Management. *Administrativnoe pravo – Administrative Law,* 2011, no. 3, pp. 105–109 (in Russian).

4. Matevosyan S. S. On Some Specific Characteristics of the Subjects' Legal Status in the Contract System of Procurement (of Work and Services) for State and Municipal Needs. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie – Research and Education: Industry and Economy; Entrepreneurship; Law and Management,* 2013, no. 8 (39), pp. 59–65 (in Russian).

5. Pobegajlo E. Ph. *Prestupnost' i ugolovnoe zakonodatel'stvo: realii, tendentsii, vzaimovliyanie* [Crimes and Criminal Legislation: Phenomena, Trends, Mutual Impact]. Saratov, 2004. Pp. 87-109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тепляшин Павел Владимирович (Красноярск) — кандидат юридических наук, доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела. Сибирский юридический институт ФСКН России (660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, e-mail: pavlushat@mail.ru)

Набиев Гасан Сабир оглы (Красноярск) — аспирант кафедры уголовного права и процесса. Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета (660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 117, e-mail: nabiev1983@list.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUHTORS

Teplyashin, Pavel Vladimirovich (Krasnoyarsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Head, Department of Research Organization and Publishing. Siberian Law Institute, Russian Federal Service for Drug Control (Rokossovskiy st., 20, Krasnoyarsk, 660131, e-mail: pavlushat@mail.ru)

Nabiyev, Gasan Sabir ogli (Krasnoyarsk) — Ph.D. Student, Chair of Criminal Law and Process. Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University (Lenin st., 117, Krasnoyarsk, 660049, e-mail: nabiev1983@list.ru)

УДК 340.1
ББК 67.05

В. Г. Вишневский
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исторические традиции, складывавшиеся на протяжении столетий, сформировали в России культуру произвола и насилия, процветание нигилизма в праве. В настоящее время все более актуальным становится вопрос о сущности права, как величайшей духовной ценности, выработанной человечеством. От раскрытия смысла, значения и идеи этого вопроса зависит направление путей развития правовой профессиональной культуры юристов и правовой культуры современного российского общества в целом. Формирование у юристов-профессионалов правильного юридического мировоззрения возможно при условии единого понимания смысла и сущности права. Данная задача может быть решена путем использования достижений естественных и гуманитарных наук, в том числе связей права и искусствознания.

***Ключевые слова*:** право; правовая культура; мононорма; правовой нигилизм; юридическое образование; правосудие; эстетика.

V. G. Vishnevskiy
Ph.D. in Law, Ass. Professor
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

CHARACTERISTICS OF LEGAL CULTURE IN CONTEMPORARY RUSSIA

The historical traditions that have been accumulating for centuries have resulted in the culture of lawlessness and violence in Russia where legal nihilism is thriving. At present the issue of the essence of law as the highest spiritual value produced by the humanity is becoming more and more urgent. The paths of development for the legal professional culture of lawyers and the legal culture of contemporary Russian society as a whole depend on interpreting the meaning, sense and idea of this issue. Professional lawyers can develop the correct legal worldview if there is a uniform understanding of the meaning and essence of law. This goal could be reached by using the achievements of natural sciences and the humanities, including the links between law and the study of art.

Keywords: law; legal culture; mononorm; legal nihilism; legal education; justice; esthetics.

Раскрытие темы «Особенности правовой культуры в современной России» связано с понятием и сущностью права, его правовой природы.

Правовая культура представляет собой совокупность всех ценностей, созданных человечеством в правовой сфере: знание, понимание этих ценностей, совершение действий и поступков людей в соответствии с ними. Все это называется правосознанием как одной из форм общественного сознания, отражающего окружающую человека правовую действительность. В соответствии с этим правовая культура подразделяется на культуру общества, культуру социальной группы, культуру особой профессиональной группы юристов и культуру личности. Однако представляется важным уделить внимание не столько особенностям видов правовой культуры, правовому воспитанию и его формам, сколько праву, ценности права и порождаемому им уровню культуры в праве.

Что же такое право? Каковы его смысл, значение, идея? На первый взгляд простота этих вопросов по форме не вызывает сомнений: хрестоматийный ответ — право это система общеобязательных, формально-определенных норм, охраняемых государством. Но при глубоком размышлении они приводят нас в некое замешательство мыслей, и оказывается, что эти вопросы

© В. Г. Вишневский, 2014

не совсем праздны и просты по своему содержанию. В учебниках по теории права и государства приводится длинный перечень правовых теорий. Наиболее традиционные из них: теологическая, нормативистская, психологическая, марксистская, социологическая, естественно-правовая, историческая, солидаризма и др. Каждая теория по-своему дает обоснование понятию права и его сущности. Но где же находится истина? Где простота ответов на простоту поставленных вопросов?

Выдающийся правовед Ж. Ведель, бывший председатель Конституционного совета Франции, мировая величина современной юриспруденции, поразил своих коллег признанием: «Вот уже много недель, даже много месяцев, я иссушаю себя вопросом, внешне невинным: Что такое право? Это мое состояние само по себе не делает мне чести, усугубляет чувство стыда. Я прослушал свою первую лекцию по праву шестьдесят лет назад; пятьдесят лет назад я сам стал читать с кафедры лекции по праву; я не переставал профессионально работать как юрист, будучи поочередно или одновременно адвокатом, профессором, автором книг, советником и даже судьей. И вот я пребываю в смятении подобно студенту первого курса, сдающему незаполненный экзаменационный лист, потому что ему не удалось наскрести для ответа даже несколько крох. Во Франции нормативный позитивизм (буква закона превыше всего) часто подменяет собой право» [3, с. 2]. Приведенное откровение известного профессора не случайность, так как за действительной простотой этого вопроса скрываются сложные противоречия закона единства и борьбы противоположностей, и вопрос «что такое право?» на самом деле является весьма сложным. Если теорема Пуанкаре была все же доказана спустя сто лет Г. Перельманом, то понятие права, его сущность уже сотни лет остаются неоднозначными и представляют собой задачу со многими неизвестными.

Мы не будем приводить бесчисленное множество определений права и его сущности, которые нередко противоречат друг другу. Это тема для другой чисто теоретической полемики. Но хочется обратить особое внимание на сложность и неординарность поставленного вопроса. Принятие того или иного определения, раскрытие сущности права даст возможность решить существующие проблемы в праве, государстве и обществе, в том числе проблему правовой культуры в России.

В конце XX — начале XXI в. Россия испытала крутой поворот в своем историческом развитии. Произошла смена общественного и государственного строя. Данное явление сопровождалось хаосом общественных перемен: наличием беспорядков, социальных конфликтов, возрастанием преступности, коррупции, обеднением значительной части населения и т. п. В этих условиях заметно снижается правовая профессиональная культура юристов и правовая культура общества в целом. Однако происходившие перемены были вызваны не только процессом распада СССР, но и правовыми традициями, исторически сложившимися еще в дореволюционный и советский периоды становления государства. Потому раскрытие данной темы затрагивает вопросы не только правовой профессиональной культуры юристов и общества, но и природы права, истории его развития, источников права, правовых традиций, толкований права, правовых ценностей, выработанных человечеством, целей и задач решения существующих в этой сфере проблем.

Традиции понимания права в истории России властью, интеллигенцией и народом весьма поучительны.

В Российской империи власти никогда не признавали важности и социальной ценности правовой материи как регулятора общественных отношений. К праву относились с пренебрежением, односторонне. Авторитарный режим с ним просто не считался, так же как и тоталитарный режим при советской власти. Согласно определению в Советской энциклопедии юрисконсульт — это «мелкий служащий» [1, с. 263]. Право этих эпох приравнивалось, сводилось к закону и действовало по принципу: «закон суров — на то он и закон». Только при таком толковании принималось право и, по существу, сводилось к действующему законодательству. Столетиями насаждавшееся подобное правовое воспитание властей пустило глубокие корни в общественном сознании и отразилось в его правовой культуре. Правовой нигилизм властей принял уродливые формы, такие, например, как крепостное право. Произвол и насилие не знали границ, ужасая своим цинизмом и махровой жестокостью.

В среде российской интеллигенции бытовало более узкое представление о праве. Оно ассоциировалось не с законом, а в большей степени с правосудием, воспринимавшимся как действующее право. Деятельность судов высмеивалась и широко критиковалась классиками русской

литературы. Правосудие с его волокитой, взяточничеством, произволом, безграмотностью стало предметом уничижительных характеристик, что было совершенно справедливо. Но никто из классиков не отделил право от правосудия, право от закона. Никто из них не сказал хвалебного слова праву как духовной ценности, благодаря которой общество развивалось по пути гуманизма и цивилизации.

В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля приводится целый ряд народных изречений, характеризующих закон и правосудие с точки зрения общественного мнения. Вот некоторые из них: «Закон — дышло: куда повернешь, туда и вышло» [4, с. 473]; «Что мне законы, были бы судьи знакомы» [Там же, с. 474]; «Судья что плотник: что захочет, то и вырубит» [Там же, с. 327]; «Тяжба — петля; суд — виселица» [Там же, с. 329]. Даже из этого малого перечня пословиц видно, что и закон, и правосудие вызывали у народа недоверие и неуважение. В отличие от теоретиков права русский народ смог выразить закон и правосудие в ярких образах: закон — дышло, тяжба — петля, суд — виселица. Такая оценка оказывалась не так уж и далека от понимания целей и задач закона и правосудия того времени. Образное мышление помогало раскрыть очевидное и невероятное действующего законодательства и существующего правосудия, их смысла, значения и идеи. В подобных определениях содержится не только социальная, правовая и политическая направленность, но и эстетическая оценка как чего-то безобразного: закон — дышло, суд — виселица, тяжба — петля. И вновь необходимо отметить, что не только власти, интеллигенция, но и народ отождествляли закон и правосудие с правом, сводили богатую ткань правовой материи к ее единственному источнику — закону.

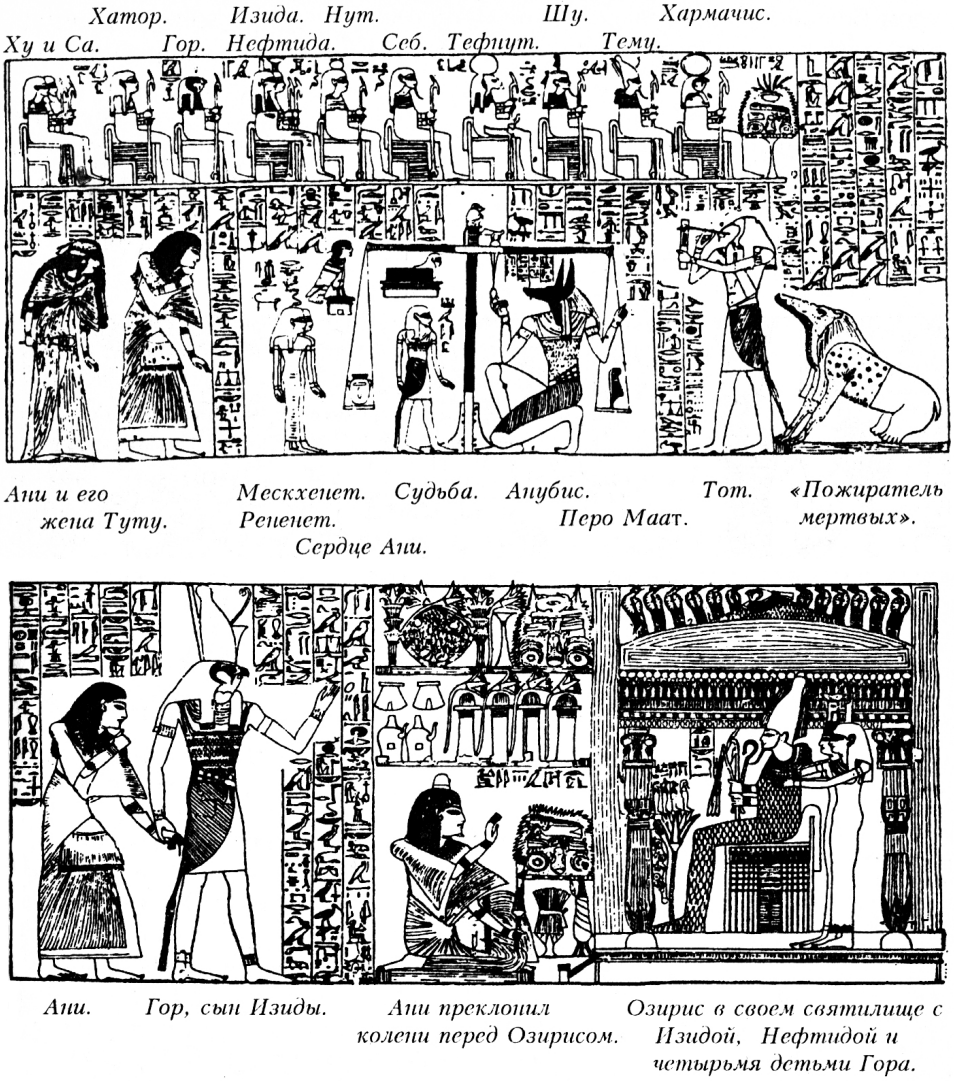
Однако какова природа и история развития права? Когда оно возникает? Как развивается? Все это сложные вопросы, скрываемые в глубине прошедших тысячелетий развития общества. В XX в. произошли важные перемены в системе общественных и естественных наук. Между ними начинается бурная интеграция, и благодаря археологии, этнографии, истории и другим наукам мы смогли заглянуть в прошлое общественного развития. Выявлено, что возникновение права своими корнями уходит в глубь тысячелетий. Можно предположить, что оно формируется уже в эпоху неолитической революции, когда возникает племенная организация и этнические общности более сложного порядка и структуры, чем первобытная родовая материнская община, основанная на кровнородственных связях, когда начинают формироваться первые источники права. К ним можно отнести обычай, религиозные обряды и ритуалы с присущей им торжественностью и формализмом, моралью, сливавшимися в нечто единое целое в религиозном мировоззрении древнего человека, устанавливая в соответствии с этим правила поведения членам общины, рода и племени в форме так называемых мононорм.

Мононормы исходили не только из общего представления об окружающем мире, но и из общих представлений о справедливости и равенстве, основой которых был общественный интерес как в материальной, так и в духовной жизни общества. Субъектом общественных отношений тогда признавались лишь община, род и племя, поэтому в первоначальной природе права, его смысле заложен общественный интерес и идея справедливости. Индивида как субъекта общественных отношений еще не существовало. Он появился позднее, в эпоху формирования частной собственности, образования малой семьи и отдельного хозяйствующего двора как экономической единицы производящего хозяйства. Таким образом, уже в период неолита (условно XIII–VI тыс. до н. э.) корни права (источники) имели в своей основе понятие справедливости как меры свободы и равенства между членами общины как выражение общественного интереса общины, рода и племени.

При возникновении первых государств, в частности древнего Шумера, понимание права было более широким, чем просто закон и правосудие. В основе правовой материи тогда лежало понятие меры как символа справедливости, равенства и общественного интереса. Здесь наблюдается преемственность идей, обычаев, морали, сохранявшихся торжественными ритуалами и обрядами тысячелетия между первобытностью и первыми цивилизациями. Дошедшие до нас фрагменты древнешумерийского законодательства III тыс. до н. э. фиксируют уже письменную традицию в преемственности права. Правитель Ур-Наму (2050 г. до н. э.) учредил «справедливую» систему мер и весов. Он позаботился о том, чтобы «сирота не становился жертвой богача», «вдова — жертвой сильного», «человек одного шикеля — жертвой человека мины»; эти законы установлены «во имя

справедливости и ради блага всех граждан» [7, с. 63]. В данном случае мы видим, что понятие справедливости восходит к древним временам. Пожалуй, изобретение весов (VII–VI тыс. до н. э.?) и заложило понимание некой меры равного, сложившейся в меновых отношениях между общинами, родами и племенами. Благодаря универсальности применения весов в материальной культуре, понимание того, что справедливость — это нечто равное, нашло отражение в судебной практике древних египтян. В Египетской Книге мертвых (папирус Ани) в тексте, относящемся к суду, в виньетках (рисунках) изображение весов применено уже в правовом понимании, и общественное правосознание становится одной из характерных черт духовной культуры (рис.) [6, с. 121].

Поклонение весам приобрело в мифотворчестве древних египтян ритуальный, обрядовый характер, их называли «Великие Весы». «Коромысло Великих Весов всегда изображалось строго горизонтально, и этот факт доказывает, что от египтянина требовалось только, чтобы его сердце, или совесть, весили столько же, сколько и перо Маат» [6, с. 124]. Египтянин говорит: «Положи сердце мое на престол истины», так как весы устанавливали истину, а сердце выступало незримым свидетелем дел и помыслов человека, скрыть которые от него было невозможно. Умерший представал перед Озирисом — верховным судьей, и в своей молитве говорил: я не творил зла, не занимался воровством, не грабил, не убивал, не пользовался обманом, не произносил лжи, не произносил дурного, не вмешивался в чужие дела, не обесчестил жены ближнего своего, не согрешил против чистоты, не внушал страха другим, не оставался глух к словам правды и истины, не относился к людям жестоко, не прибегал к насилию, не богохульствовал, не вел себя дерзко. Здесь мы наблюдаем достаточно широкое понимание права, включавшего правовой обычай, закон, религиозные предписания, нормы морали и нравственности.



Изображение весов в Египетской Книге мертвых

В начале II тыс. до н. э. Вавилон стал преемником шумерийской культуры. Царь древнего Вавилона Хаммурапи в преамбуле к своим законам стремился представить их как наделенные сверхъестественной силой, справедливые и неизменные, направленные на защиту сироты, вдовы и слабого от сильного, добавив к шумерийскому пониманию права новое в содержание сущности государства и права: «я истребил врагов на севере и юге, прекратил раздоры, устроил стране благосостояние, дал людям жить в безопасных местах, охранял их от нарушителей спокойствия, я благодетельный пастырь, жезл мой — жезл правости» [5, с. 112]. По своему содержанию эти мысли имели глубокое правовое значение и идею. Царь говорит не о своей силе военного могущества, а о том, что его жезл (власть) — жезл правости, т. е. царь Хаммурапи ставит право выше силы своей единоличной власти. И такое ее понимание есть предвосхищение идеи правового государства, в котором правит закон.

Не менее глубокое понимание права наблюдается в период Киевской Руси, уже тогда испытывавшей необходимость в высокоразвитой системе гражданского права, соответствующей высокоразвитому гражданскому обороту. В IX в. начинает осуществляться первая волна рецепции римского права, включавшего в себя идею справедливого и несправедливого, правомерного и неправомерного поведения людей. Однако в эпоху татаро-монгольского ига идея справедливости права постепенно теряет свой смысл и значение, и между законом и правом был поставлен знак равенства. Развитие правовой культуры пошло по иному пути, вступившему в противоречие с природой и сущностью права. Московские князья активно использовали сложившиеся представления о праве (законе) в интересах укрепления своей власти. Закон превратился в ничем не ограниченный произвол и насилие, закрепляя права и привилегии одних и обязанности других. Судебник (1555) объявил закон единственным источником права. Идея справедливости как основа общественного интереса перешла в свою противоположность и стала идеей господства единоличной власти великих князей, выражавших интересы класса феодалов. В эпоху Советского Союза правовой нигилизм продолжал расцветать пышным цветом. Неправовые законы государства множились, как и телефонное право в правосудии. После крушения Советского Союза наступил тяжелый и продолжительный кризис в политике, экономике, идеологии, праве и правосудии.

За сравнительно небольшой исторический период времени Россия прошла значительный путь. Не все было гладко и продуктивно, как хотелось бы. Например, судебная реформа, начатая в 1992 г., не завершилась и по настоящее время, хотя сделано много позитивного. В последнее десятилетие все более ощущается и проявляется проблема низкой правовой профессиональной культуры юристов и, соответственно, низкой правовой культуры общества. Данное обстоятельство указывает на допущенную методологическую ошибку при проведении реформ в конце XX и начале XXI в. Смена общественного и государственного строя должна была сопровождаться проведением правовой реформы, так как в период советской власти право оставалась в рамках средневекового феодализма не только по форме, но и по своей сущности. Нужно было выстроить новый правовой фундамент, определиться с его принципами, основными положениями и началами и только затем проводить судебную и другие реформы.

В последнее время все чаще стали говорить о перепроизводстве корпуса юристов, что нужно готовить штукатуров, маляров, токарей и т. п. Действительно, необходимо готовить квалифицированный рабочий класс, без которого немыслимо высокотехнологичное производство, но юристов на самом деле подготовлено мало. Их катастрофически не хватает обществу, как, впрочем, и рабочих. Если же учесть, что за это время возникло огромное количество юридических факультетов, институтов и даже университетов коммерческого направления, ринувшихся в погоню за прибылью и часто не имеющих ни учебно-методологической, ни даже материальной базы, не говоря уже о школах с устойчивыми историческими традициями классического юридического образования, то юристов действительно выпущено большое количество. Однако это количество не имеет нужного качества, в котором нуждается общество. Чтобы получить качественный корпус юристов, необходимо достичь определенного уровня методологической подготовки специалистов, и только тогда количество может перейти в новое качество. Но у нас этого не произошло. И вновь открытые псевдоюридические факультеты, институты и университеты, к сожалению, множатся с легкой руки образовательного бизнеса. При этом само общество и государство продолжают

безучастно наблюдать за происходящими процессами, хотя, казалось бы, очевидно, что такими путями создать качественный профессиональный корпус юристов невозможно. В таком случае связывание количества выпускаемых юристов с перепроизводством и избытком их для общества обнаруживает непонимание определенными кругами происходящих процессов развития общества в настоящий момент. Как и прежде в XIX, XX и XXI вв. задача повышения качества образовательного процесса решается не профессионалами-юристами, а чиновниками, не имеющими специальных профессиональных знаний в области юриспруденции. В этой связи проблема правовой культуры оказалась очень сложной. Подражание европейским стандартам, активно проводимое в настоящее время, ведет российское образование в новый тупик.

Очевидное и невероятное: правовая материя сейчас особо нуждается в новом теоретическом переосмыслении природы права, его смысла, значения и идеи. Познать его сущность в наше время, в бурную эпоху социальной напряженности и конфликтов, экономической и политической неустойчивости общества является важнейшей задачей теоретиков. Ибо правовая культура непосредственно связана с единством и целостностью правовой системы, единством правового пространства, единством системы правосудия и законности и зависима от них. Раскрыв сущность современного права на теоретическом уровне, его можно успешно использовать и в практической деятельности. Однако существующая порочная практика правоприменительной деятельности в среде юристов выявляет не только низкий уровень их профессиональной правовой культуры, но иногда и полное непонимание ими смысла, значения, идеи и сущности права. Не случайно среди некоторой части профессионалов-юристов можно наблюдать откровенный правовой нигилизм, непризнание закона, неуважение к закону, циничное попрание ценности права. Без глубокого научного (теоретического) обоснования природы правовой материи, ее сущности невозможно решить на современном этапе многие политические, экономические, социальные и духовные проблемы развития общества по пути его демократизации, повысить правовую профессиональную культуру юристов и соответственно правовую культуру общества.

К сожалению, в области юридического образования приходится отмечать совершенно обратные процессы. Юридическое образование направлено не только на познание правовой материи, но и на формирование правильного юридического мировоззрения у студентов, их правовой культуры и правового воспитания. Однако отмечаются случаи, когда на некоторых юридических факультетах отменяются такие дисциплины, как «Философия права», «История правовых и политических учений», сокращаются часы по «Истории отечественного государства и права», хотя данные дисциплины и формируют у студентов правильное юридическое мировоззрение о природе права и его сущности как величайших духовных ценностях человечества. Поэтому в настоящее время все более ощущается необходимость в отыскании новых путей познания права, применении новых способов и средств его отражения, активном использовании научной интеграции и создании новых дисциплин.

В Российской правовой академии Министерства юстиции РФ коллективом кафедры теории и истории государства и права под руководством заведующего кафедрой доктора юридических наук, профессора М. М. Рассолова была разработана новая дисциплина «Право и история художественной культуры». Предметом исследования данной дисциплины и является познание природы и сущности права особыми, нетрадиционными средствами и способами художественной культуры. Это направление позволяет решить несколько задач, стоящих перед высшей школой, государством и обществом. Во-первых, это повышение общего уровня развития студентов в целях познания сущности права посредством возможности его видения через отдельные виды искусств: архитектуру, скульптуру, живопись, литературу, музыку и театр. Во-вторых, создание нового корпуса юристов, которые должны составить элиту нашего общества, способную не только предупредить нарождающиеся социальные конфликты, но и вернуть доверие народа к праву, закону и правосудию. В-третьих, с возникновением нового корпуса юристов повысится уровень правовой профессиональной культуры юристов и соответственно правовое сознание и правовая культура общества. Дисциплина «Философия права» должна быть необходимым звеном между теорией и историей государства и права и «Правом и историей художественной культуры». Выдающийся специалист в области истории политико-правовых идей и современной философии

права В. С. Нерсесянц подчеркивал, что «философия права занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества» [2, с. 7]. Наше время особо нуждается в решении данной проблемы. Что может быть еще более очевидным, чем изложенная мысль? Разве есть необходимость это доказывать? Тем не менее объем преподавания дисциплин, задействованных в решении названных проблем, постоянно и необъяснимо сокращается.

Благодаря дисциплине «Право и история художественной культуры» можно увидеть зримые образы права, государства и правосудия, нашедшие свое отражение в архитектуре (московский Кремль); скульптуре (богиня правосудия Фемида); живописи (роспись Станца делла Сеньятура Рафаэля Санти); литературе (роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского); музыке (цикл из девяти симфоний, посвященных Великой Французской революции 1789 г. Людвига Ван Бетховена); театре (пьеса «Свои люди сочтемся» А. Н. Островского) и т. д. Таким образом, понятие и сущность права можно выразить и в эстетических категориях (т. е. как нечто прекрасное или безобразное), которые способны своими образами оказывать влияние на профессиональную деятельность юристов через науку о прекрасном и формировать новое общественное мнение.

Выдающийся римский юрист Цельс сын (II в. н. э.) высказал мысль о том, что право — это искусство доброго и справедливого. Такое понимание права дает все основания определять и оценивать ткань правовой материи, право не только с точки зрения практики и теории, но и с точки зрения эстетики, как нечто совершенное и поэтому прекрасное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия : в 65 т. — М., 1931. — Т. 65. — 910 с.
2. Дигесты Юстиниана : в 8 т. / отв. ред. *Л. Л. Кофанов* ; пер. с лат. — М., 2002. —Т. 1 (Кн. I–IV). — 584 с.
3. *Ковлер А. И.* Антропология права. — М., 2002. — 480 с.
4. *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. — М., 1991. — 235 с.
5. *Нерсесянц В. С.* Философия права. — М., 1997. — 652 с.
6. *Тураев Б. А.* История Древнего Востока : в 2 т. — Л., 1936. — Т. 1. — 360 с.
7. *Уоолис Бадж Е. А.* Египетская книга мертвых. — М., 1995. — 435 с.

REFERENCES

1. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya : v 65 t.* [Great Soviet Encyclopedia : in 65 Vol.]. Moscow, 1931, vol. 65. 910 p.
2. *Digesty Yustiniana : v 8 t.* [The Digest of Justinian : in 8 Vol.]. Moscow, 2002, vol. 1. 584 p.
3. Kovler A. I. *Antropologiya prava* [Anthropology of Law]. Moscow, 2002. 480 p.
4. Kramer S. N. *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [History Starts in Sumer]. Moscow, 1991. 235 p.
5. Nersesyants V. S. *Philosophiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, 1997. 652 p.
6. Turaev B. A. *Istoriya Drevnego Vostoka : v 2 t.* [The History of Ancient East : in 2 Vol.]. Leningrad, 1936, vol. 1. 360 p.
7. Uoolis Badzh E. A. *Egipetskaya kniga mertvykh* [Egyptian Book of the Dead]. Moscow, 1995. 435 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишневский Владимир Григорьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vishnevskiy, Vladimir Grigoryevich (Irkutsk) — Ph. D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 340.1
ББК 67.082

Н. К. Жукокова
Восточно-Казахстанский государственный университет им. Сарсена Аманжолова

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье проводится сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан по вопросам дисциплинарной ответственности судей. Рассмотрены основные изменения, вносившиеся в законодательные акты и регламентирующие дисциплинарную ответственность, выявлены проблемные вопросы. С позиции принципа независимости судей оцениваются полномочия Судебного жюри в Республике Казахстан. Анализируются основания и порядок привлечения к ответственности судей в Российской Федерации и Республике Казахстан. На основе проведенного исследования предлагаются поправки в действующее законодательство, направленные на совершенствование законодательства.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; Судебное жюри; Высший Судебный Совет; квалификационная коллегия судей; дисциплинарный проступок.

N. K. Zhukokova
East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

DISCIPLINARY LIABILITY OF JUDGES: COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The paper presents a comparative analysis of legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the sphere of disciplinary liability of judges. The author examines main amendments introduced into legislative acts regulating disciplinary liability and highlights problem areas. The author also evaluates the authority of the Judges' Panel in the Republic of Kazakhstan from the viewpoint of the principle of judges' independence. The paper analyzes the grounds and the procedure for making judges liable in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The author uses this research to offer amendments to the current legislation with the aim of its improvement.

Keywords: disciplinary liability; Judges' Panel; High Board of Judges; judges' qualification board; disciplinary misconduct.

Вопросы привлечения судей к дисциплинарной ответственности являются актуальными как в России, так и в Казахстане. Принятые в июле 2013 г. поправки в закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»[1] (далее — Закон РФ) вызвали активное обсуждение на страницах юридической прессы.

Закон РФ в своей первоначальной редакции содержал запрет на привлечение судьи к дисциплинарной ответственности, но также предусматривал такие основания досрочного прекращения полномочий судьи, как занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи, вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении судьи, совершение поступка, позорящего честь и достоинство судьи или умаляющего авторитет судебной власти. По мнению М. О. Сапуновой, «досрочное прекращение полномочий судьи по вышеперечисленным основаниям является одним из видов юридической (в част-

[1] О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 25 нояб. 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

© Н. К. Жукокова, 2014

ности, дисциплинарной) ответственности и обладает всеми ее признаками» [9]. О том, что, несмотря на официальный запрет, содержащийся в законе, институт дисциплинарной ответственности судей фактически не прекращал своего существовании, отмечает М. И. Клеандров [5, с. 203].

В Республике Казахстан институт дисциплинарной ответственности получил законодательное закрепление в конституционном законе РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»[1] (далее — Конституционный закон РК). Данный закон содержал основания для привлечения к дисциплинарной ответственности, а также предусматривал пять видов дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, понижение в квалификационном классе, освобождение от должности председателя суда или председателя коллегии за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, освобождение от должности судьи.

Действовавший в Российской Федерации запрет на привлечение судей к дисциплинарной ответственности был упразднен с принятием Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"» от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ. Закон РФ с учетом внесенных изменений и дополнений предусматривал только два вида дисциплинарной ответственности — это замечание и прекращение полномочий судьи. Данная ситуация вызывала многочисленные нарекания как со стороны практических работников, так и со стороны ученых.

По мнению М. И. Клеандрова, «фактически по отношению к судье — нарушителю норм этики, трудовой дисциплины у руководства судов и у квалификационных коллегий судей существуют лишь два рычага воздействия: уговоры и прекращение полномочий» [3, с. 51]. Представляется, что такая шкала наказаний судей чрезвычайно мала: человека либо пожурят, либо уволят. «Нужда дифференцировать дисциплинарные санкции для судей сохраняется», — отметил А. А. Иванов, выступая на заседании совета судей России[2]. Принятые в июле 2013 г. поправки в закон учли эти замечания и расширили виды дисциплинарных взысканий, предусмотрев замечание, предупреждение и досрочное прекращение полномочий судьи.

Конституционный закон РК содержит целый раздел, посвященный дисциплинарной ответственности судей. Однако, несмотря на тщательное регулирование данного вопроса, институт дисциплинарной ответственности судей Казахстана также вызывает противоречивые мнения.

Сам Конституционный закон РК не содержит определения дисциплинарного проступка, но при этом указывает на нарушения, являющиеся основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Таковыми считаются нарушение законности при рассмотрении судебных дел, совершение порочащего проступка, противоречащего судейской этике, грубое нарушение трудовой дисциплины (ст. 39 Конституционного закона РК). Председатели судов и председатели судебных коллегий судов могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей.

Полагаем, что такая конструкция норм, регламентирующих дисциплинарную ответственность судей, оставляет большой простор для свободного усмотрения органов, уполномоченных применять меры дисциплинарных взысканий, и привлечения судьи к дисциплинарной ответственности.

Органами, уполномоченными рассматривать дела о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, в Российской Федерации являются квалификационные коллегии судей. В юридической литературе неоднократно обсуждался вопрос о правовой природе квалификационных коллегий судей. Например, высказывалось мнение о том, что квалификационные коллегии судей совмещают в себе функции «отдела кадров» и функции «органов дознания» для судей [2, с. 67]. В Республике Казахстан некоторое время существовала аналогичная ситуация. Такими взаимоисключающими друг друга функциями обладали дисциплинарно-квалификационные коллегии судей. Так, в соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан "О судебной системе и статусе судей"» от 11 декабря 2006 г. правом возбуждения дисциплинарных дел обладали Республиканская дисциплинарно-квалификационная коллегия судей в отношении любого судьи

[1] О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан : конституц. закон Республики Казахстан от 25 дек. 2000 г. № 132-II. — URL : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164.

[2] Глава ВАС РФ предложил ввести промежуточные меры ответственности судей. — URL : http://rapsinews.ru/judicial_news.

республики и областные дисциплинарно-квалификационные коллегии судей в отношении судьи областного суда, председателя и судьи районного суда[1]. Вместе с тем высказывалось мнение о необходимости упразднения в областных судах дисциплинарно-квалификационных коллегий судей и передачи их функций единому для судей всей республики Судебному жюри. Претворение в жизнь данного предложения, по мнению судей, позволит снять напряжение и значительно улучшить морально-психологический климат в областных судах, внутри судейского корпуса каждой области [8].

По мнению разработчиков законопроекта, передача полномочий республиканского и областных дисциплинарно-квалификационных коллегий была вызвана необходимостью защиты судей от давления руководства районных и областных судов и для более объективного рассмотрения дисциплинарных дел в отношении судей.

Предлагая законопроект о внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» председатель Верховного суда Республики Казахстан Б. Бекназаров отметил, что «за пять последних лет 40 % судей было привлечено к дисциплинарной ответственности. Мы изучали эти дела и видим, что в ряде случаев этих дел могло и не быть. Некоторые из них натянуты. Поэтому вопросы дисциплинарной ответственности судей являются очень серьезными»[2].

Рассмотрим, были ли реализованы данные замыслы и насколько Судебное жюри сыграло положительную роль в регулировании института дисциплинарной ответственности судей в Казахстане.

Некоторое время дисциплинарно-квалификационные коллегии и Судебное жюри действовали одновременно, что вызывало разумные нарекания со стороны работников судебной системы. Так, председатель Верховного Суда Республики Казахстан предлагал распустить дисциплинарно-квалификационные коллегии, поскольку, по его мнению, «работу дисциплинарно-квалификационных коллегий дублирует деятельность Судебного жюри»[3]. В настоящее время дисциплинарно-квалификационные коллегии упразднены, рассматривать дисциплинарные дела в отношении судей компетентно Судебное жюри.

Создание Судебного жюри также вызвало волну обсуждения и критики. Так, Г. Сулейменова отмечала, что «учреждение такого органа и регламентация его деятельности вызывают обоснованную критику» [11]. По мнению Т. Морщаковой, недостаточный уровень профессионализма судьи не может рассматриваться как виновное поведение, поскольку он может быть связан с дефектами конкурсного отбора, несоответствующими условиями работы судей, непредоставлением ему возможности доступа к постоянному повышению квалификации, т. е. с организационным обеспечением деятельности по осуществлению правосудия. Проверка профессиональной пригодности действующих судей может лишь искажать цели, ценность и методы всей работы по кадровому обеспечению судов. Удаление с должности судьи по порочащим основаниям при наличии вины с его стороны законом уже предусмотрено, а введение иных способов «чистки» судейского корпуса (т. е. без установления виновного поведения), может лишь провоцировать грубые нарушения независимости и несменяемости судей [6, с. 49]. Ж. Сейдалина считает, что данный орган проявляет свой карательный характер и не соответствует принципам независимости и несменяемости судей [10].

Изложенное подтверждается следующей статистикой.

Так, за 12 месяцев 2010 г. по Республике Казахстан были выявлены 209 судей, имеющих низкий показатель по отправлению правосудия, из них 195 судей районного уровня, 14 — областного уровня. По результатам анализа 8 судей освобождены от занимаемых должностей, в отношении 125 судей межпленарные заседания областных судов ограничились обсуждением, поскольку в дальнейшем улучшили свою работу и исправились, в отношении 15 судей материалы передали на рассмотрение Судебного жюри при Верховном суде[4].

Казахстанский законодатель не определил конкретный круг субъектов, уполномоченных инициировать возбуждение дисциплинарного производства в отношении судей. В частности, гл. 2 «Дисциплинарная

[1] О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» : конституц. закон Республики Казахстан от 11 дек. 2006 г. № 119. — URL : http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000199.

[2] К дисциплинарной ответственности за пять лет привлечено 40 % судей Казахстана. — URL : http://inform.kz/rus/article/2414265.

[3] Казахстанская правда. — 2011. — 16 июля.

[4] 52 судьи расстанутся с мантиями. — URL : http://thenews.kz/2011/08/04/883998.html.

ответственность» Конституционного закона РК не содержит такого перечня. Вместе с тем, исходя из толкования[1] ст. 38-1 Конституционного закона РК, можно сделать вывод о том, что правом инициировать возбуждение дисциплинарного производства обладают пленарные заседания областного или Верховного Суда или представление председателя областного или Председателя Верховного Суда.

Как известно, в компетенцию Судебного жюри входит вынесение решения в форме заключения о несоответствии судьи занимаемой должности в силу профессиональной непригодности, а также вопрос о рекомендации судьи к прекращению полномочий. В силу п. 29 Положения «О Судебном жюри», утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 27 февраля 2007 г. № 292, решение Судебного жюри выносится в форме заключения, которое обжалованию не подлежит. Согласно ст. 34 п. 1 подп. 9 Конституционного закона РК основанием для прекращения полномочий судьи является заключение Судебного жюри. Вместе с тем законодательство Казахстана не предусматривает для судей возможность обжалования решения Судебного жюри[2] вообще в какой-либо орган, что является прямым нарушением как норм международного законодательства, так и права судьи как гражданина своего государства.

Автор солидарен с позицией В. Борисова о том, что для обеспечения конституционного права судьи на судебную защиту следует предоставить судье право обжаловать решения о применении такой меры дисциплинарного наказания, как досрочное прекращение полномочий судьи, в Высший Судебный Совет либо в суд [1].

В отличие от казахстанского законодательства, закон РФ предусматривает возможность обжалования решения о наложении на судью дисциплинарного взыскания в суд, а решение квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи может быть обжаловано в Дисциплинарное судебное присутствие. Одновременно высказывается точка зрения о необходимости создания нового органа судейского сообщества, условно именуемого дисциплинарным судом. При этом представляется важным при создании этого нового органа не возлагать на него бремени решения всех вопросов, связанных с дисциплинарной ответственностью судей, прежде всего не передавать ей «отделенные» от полномочий квалификационных коллегий судей (ККС) функции по проверке жалоб и заявлений о совершении судьей дисциплинарного проступка [4]. По статистическим данным, за 2012 г. к дисциплинарной ответственности по решениям ККС субъектов РФ за совершение дисциплинарных проступков привлечено 156 судей, в том числе по решениям 17 ККС досрочно прекращены полномочия 19 судей. По решениям 53 ККС были предупреждены 137 судей и руководителей судов (131 в судах общей юрисдикции и 6 в арбитражных судах)[3]. Основаниями для привлечения к дисциплинарной ответственности были грубые или систематические нарушения законов и Кодекса судейской этики, волокита при рассмотрении дел.

Аналогичное мнение высказывается относительно того, что процедуру рассмотрения дел об оспаривании постановлений о прекращении и приостановлении полномочий судей, в том числе по причине совершения ими дисциплинарных проступков, необходимо урегулировать не подзаконным нормативным актом в виде Регламента Дисциплинарного присутствия, а нормами Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). Включение этих норм в разд. 2 ГПК РФ в виде подразд. 3 под названием Производство по делам об оспаривании постановлений о приостановлении или прекращении полномочий судей, свидетельствовало бы о появлении в гражданском процессе нового вида гражданского производства. Любому юристу известно, что никакой регламент никогда не может быть приравнен к закону и тем более заменить или подменить закон [7, с. 39].

Рассмотрение дисциплинарных дел в отношении судей находится в исключительной прерогативе квалификационных коллегий судей. Высказанная и претворенная в жизнь идея о создании Дисциплинарного Судебного присутствия в полной мере не решила всех вопросов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт дисциплинарной ответственности судей будет в дальнейшем развиваться и совершенствоваться.

---

[1] Основанием для рассмотрения на Судебном жюри материалов в отношении судьи является решение пленарного заседания областного или Верховного Суда или представление председателя областного или Председателя Верховного Суда.

[2] Положение о Судебном жюри : утв. указом Президента Республики Казахстан от 27 февр. 2007 г. № 292. — URL : http://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000643.

[3] Обзор результатов деятельности за 2012 год. — URL : http://vkks.ru/publication/11039.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисов В.* Роль союза судей в решении задач судебной реформы // Зангер. — 2011. — № 3 (116). — С. 15–19.

2. *Клеандров М. И.* Не теряя главного. О конституционной сущности квалификационных коллегий судей // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра : сб. ст. — М., 2012. — С. 35–72.

3. *Клеандров М. И.* Нужен федеральный закон о проверке кандидатов в судьи // Российская юстиция. — № 11. — 2000. — С. 51–52.

4. *Клеандров М. И.* Правовая сущность судейского сообщества в Российской Федерации // Государство и право. — 2013. — С. 20–32.

5. *Клеандров М. И.* Правовые основы статуса судей : курс лекций. — М., 2010. — 256 с.

6. *Морщакова Т. Г.* Анализ проекта конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в конституционный закон "О судебной системе и статусе судей"» // Правовая реформа в Казахстане. — 2006. — № 4. — С. 47–51.

7. *Поляков И. Н.* Недостатки правового регулирования процедуры рассмотрения дел о дисциплинарной ответственности судей // Российский судья. — 2012. — № 5. — С. 38–41.

8. *Рамазанов А.* Требует уточнений // Юридическая газета. — 2011. — 27 июля.

9. *Сапунова М. О.* Дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации // Библиотека юриста. — URL : http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/konstitutsionnoe-regulirovanie-sudebnoy-vlasti/distsiplinarnaya-otvetstvennost-sudey-v-rossiyskoy-federatsii-m-o-sapunova/?SECTION_CODE=konstitutsionnoe-regulirovanie-sudebnoy.

10. *Сейдалина Ж. К.* Особенности правового регулирования трудовых отношений судей Республики Казахстан : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05. — Астана, 2007. — 122 с.

11. *Сулейменова Г.* Судебное жюри: идеи и реальность // Уголовная юстиция: связь времен : избранные материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–8 окт. 2010 г. — URL : http://iuaj.1gb.ru/node/472.

REFERENCES

1. Borisov V. The Role of Judges' Union in Performing the Tasks of Court Reform. *Zanger*, 2011, no. 3 (116), pp. 15–19 (in Russian).

2. Kleandrov M. I. Preserving the Main Thing. On the Constitutional Essence of the Judges' Qualification Board. *Kvaliphikatsionnye kollegii sudej: vchera, segodnya, zavtra – Judges' Qualification Board: yesterday, today, tomorrow.* Moscow, 2012, pp. 35–72 (in Russian).

3. Kleandrov M. I. We Need a Federal Law on Checking Would-be Judges. *Rossijskaya yustitsiya – Russian Justice,* 2000, no. 11, pp. 51–52 (in Russian).

4. Kleandrov M. I. Legal Essence of the Judges' Community in the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo – State and Law,* 2013, pp. 20–32 (in Russian).

5. Kleandrov M. I. *Pravovye osnovy statusa sudej* [Legal Basis of the Judges' Status]. Moscow, 2010. 256 p.

6. Morshchakova T. G. Analyzing the Draft Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan «"On the Introduction of Amendments and Additions to the Constitution Law "On Court System and the Status of Judges"». *Pravovaya rephorma v Kazakhstane – Legal Reform in Kazakhstan,* 2006, no. 4, pp. 47–51 (in Russian).

7. Polyakov I. N. Drawbacks in the Legal Regulation of the Case Trial Procedure regarding the Disciplinary Liability of Judges. *Rossijskij sud'ya – Russian Judge*, 2012, no. 5, pp. 38–41 (in Russian).

8. Ramazanov A. Clarification Needed. *Yuridicheskaya gazeta – Legal Newspaper,* 2011, July 27 (in Russian).

9. Sapunova M. O. Disciplinary Liability of Judges in the Russian Federation. *Biblioteka yurista – A Lawyer's Library.* Available at: http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/konstitutsionnoe-regulirovanie-sudebnoy-vlasti/distsiplinarnaya-otvetstvennost-sudey-v-rossiyskoy-federatsii-m-o-sapunova/?SECTION_CODE=konstitutsionnoe-regulirovanie-sudebnoy (in Russian).

10. Sejdalina Zh. K. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenij sudej Respubliki Kazakhstan. Avtoref. Kand. Diss.* [Specific Features in the Legal Regulation of Labor Relations of Judges in the Republic of Kazakhstan. Cand. Diss. Thesis]. Astana, 2007. 122 p.

11. Sulejmenova G. *Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen: izbrannye materialy mezhdunar. nauch. konph., Sankt-Peterburg, 6–8 okt. 2010 g.* [Criminal Justice: Link of Times: Selected Papers of International Research Conference in Saint-Petersburg, Oct. 6–8, 2010]. Available at: http://iuaj.1gb.ru/node/472.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жукокова Назия Казбековна (Усть-Каменогорск) — старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса. Восточно-Казахстанский государственный университет им. Сарсена Аманжолова (070020, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 34, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhukokova, Naziya Kazbekovna (Ust-Kamenogorsk) — Senior Instructor, Chair of Civil Law and Civil Process. East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov (30th Gvardeyskoy Divisii st., 34, Ust-Kamenogorsk, 070020, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 34(4/9)
ББК 67.99

П. П. Бобрович
Дальневосточный федеральный университет

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АЗАРТНЫЕ ИГРЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ)

Опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона по вопросам правового регулирования азартных игр и уголовной ответственности за них мотивирует к поиску наиболее оптимальных и эффективных способов воздействия на уголовную преступность в данной сфере. В настоящей статье проведен историко-правовой анализ уголовной ответственности за азартные игры в Китае и Японии, а также исследовано состояния современного уголовного законодательства указанных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, с учетом которого обоснована необходимость совершенствования действующего законодательства Российской Федерации, в связи с чем выработаны соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: азартные игры; уголовная ответственность; национальное законодательство.

P. P. Bobrovich
Far Eastern Federal University

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR GAMBLING IN ASIAN PACIFIC COUNTRIES (USING CHINA AND JAPAN AS EXAMPLES)

The experience of Asian Pacific countries in the areas of legal regulation of gambling and criminal liability for it encourages us to search for the best and most efficient methods of influencing crimes in this sphere. This paper presents a historical and legal analysis of criminal liability for gambling in China and Japan as well as examines contemporary criminal legislation in these Asian Pacific countries. The obtained results are used to show the necessity of improving current Russian legislation; the author presents the corresponding recommendations.

Keywords: gambling; criminal liability; national legislation.

В научной литературе достаточно широко освещены проблемы правового регулирования и юридической ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр, которые нашли отражение в работах Ю. В. Багио, Е. В. Ковтуна, В. Д. Леготкина, А. В. Матина, А. И. Молодых и других авторов. Однако в историческом и межнациональном контексте данные проблемы малоизучены и ограничены главным образом рамками российского права.

Между тем, опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — страны АТР) по вопросам правового регулирования игорной деятельности, а также установления ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр мотивирует к поиску наиболее оптимальных и эффективных способов воздействия в данной сфере в национальном и международном правовом пространствах, что связано с рядом объективных факторов.

Одним из таких факторов является повсеместное распространение азартных игр, прибыль от которых, на сегодняшний день, составляет значительную часть дохода международных преступных организаций. При этом доходы, полученные в результате незаконной игорной деятельности, выступают источником финансирования не менее опасных преступлений, объектом которых являются не только экономические отношения, но и общественная безопасность, здоровье населения. К таковым, безусловно, можно отнести терроризм, торговлю оружием, наркоторговлю и многие другие преступления, которые носят транснациональный характер.

© П. П. Бобрович, 2014

Активному росту международной преступности в значительной степени способствует процесс глобализации, которая, с одной стороны, характеризуется такими позитивными чертами, как улучшение межгосударственных отношений, повышение прозрачности границ, развитие мировой торговли, увеличение объема международных перевозок, расширение международного рынка труда. С другой стороны, данный процесс породил деструктивный феномен — криминализацию глобализации. Как считает В. А. Номоконов, глобализация создает благоприятные условия для интернационализации преступного мира, который не медлит с использованием представляющихся возможностей [6, с. 62].

В этой связи некоторые авторы указывают на формирование имеющего международный характер криминального сообщества как антипода обществу законопослушному [1]. Многие преступные сообщества нашли более выгодным и предпочтительным действовать сквозь границы государств, чем сосредоточить свою деятельность в какой-нибудь стране. В одних случаях преступная деятельность ведется в пределах региона, в других — в мировом масштабе. Однако какими бы ни были географические границы преступных операций, стало очевидным, что организованная преступность более не ограничивается местной активностью [3, с. 29]. Данное суждение также в полной мере относится к преступности, связанной с незаконной организацией и проведением азартных игр. Так, установление запретов на азартные игры полностью или их частичная легализация в одной стране способствуют открытию игорных заведений в другой, где законодательство к этому виду деятельности относится более лояльно или механизм борьбы с преступностью в данной сфере не столь эффективен.

В качестве примера можно указать Россию, в которой 26 декабря 2006 г. был принят Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[1]. Однако большинство игорных заведений не переместились в игорные зоны, предназначенные для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр на территории РФ. Напротив, многие из них ушли в подполье, другие переместились в страны АТР и Европейского союза. Главной причиной этого послужили, во-первых, неразвитость инфраструктуры специально отведенных для игорной деятельности территорий, во-вторых, отсутствие значительных финансовых потоков как в крупных городах России, например, Москве и Санкт-Петербурге. В таких условиях представилось более выгодным вкладывать инвестиции в размещение игорных заведений в крупных центрах игровой индустрии, например Макао в Китае, чем в игровые зоны, расположенные на территории РФ.

В рамках данной статьи особый интерес, обусловленный, в том числе и их территориальной близостью к Дальнему Востоку РФ, представляют такие страны АТР, как Китай и Япония, которые, несмотря на схожесть национальных культур, имеют существенные различия правовых систем, обусловленные особенностями их исторического, социально-экономического и политического развития.

Общеизвестно, что правильное понимание любого социального явления невозможно без знания его исторических корней, того, в каких условиях данное явление возникло, как оно развивалось и каким стало в современной действительности [7, с. 59]. Историко-правовой анализ позволяет не только наблюдать тенденции формирования того или иного института права на протяжении всех веков, но и возможность совершенствовать его на современном этапе, а также прогнозировать дальнейшее развитие.

Институт уголовной ответственности как явление социальное наиболее полно дает представление об эволюции общественного правосознания, так как связан практически со всеми сферами жизнедеятельности общества. Существование данного института обусловлено, прежде всего, наличием такой категории, как преступление. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что становление уголовной ответственности за азартные игры непосредственно связано с признанием противоправности данного вида деятельности.

Переходя к рассмотрению вопроса уголовной ответственности за азартные игры в Китае и Японии, не можем не остановиться на истории их возникновения. До сих пор не существует единого мнения о месте происхождения азартных игр, а так-

[1] О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

же отсутствуют точные данные о периоде их возникновения. Так, по одним данным азартные игры были изобретены еще в 2300 г. до н. э. в Китае; по другим, родиной азартных игр является Индия, где первые упоминания о них датируются IV в. до н. э. Вместе с тем, логично предположить, что появление азартных игр связано с существованием человека, как существа разумного, мыслящего, поскольку можно заключить, что их создание представляет собой предмет его интеллектуальной деятельности, особую осязаемую форму человеческого самовыражения, явившуюся следствием логического мышления. Таким образом, вполне возможно, что простые формы азартных игр возникли задолго до появления первых цивилизаций.

По мнению нидерландского философа и историка, исследователя культуры первой половины XX в., Й. Хейзинга, в истории человечества игра является едва ли ни самым древним проявлением жизни, ибо она родилась раньше, нежели была сформирована культура. Исходя из этого, автор определял культуру как «продукт играющего человека» [9]. Примечательно, что некоторые азартные игры, возникшие в глубокой древности, существуют по сей день и являются неотъемлемой частью национальных культур, например игра «маджонг» в Китае и Японии. Однако отношение к азартным играм на протяжении всех эпох и времен существенно менялось и было обусловлено рядом таких факторов, как совокупность морально-нравственных норм и принципов, свойственных обществу в определенный период времени, — религия, культура, социально-экономическое развитие, развитость правовых систем, политика государства.

Как справедливо отметила Н. Ф. Кузнецова, преступность исторически изменчива как по социальной сущности, так по месту (в разных государствах и разных социально-экономических формациях неодинаков круг преступлений) и по времени (объем уголовно наказуемых деяний меняется по мере исторического развития государства даже одной формации) [4, с. 173]. Это связано, прежде всего, с социальной природой преступлений, которая проявляется в их совокупном результате — тот совокупный вред, который они наносят личности, государству и обществу. Причем этот вред имеет не только физическое (материальное) измерение, но и ощутимое моральное нравственно-этическое воплощение. Кроме того, преступный результат следует рассматривать и как причинение ощутимого вреда обществу в целом, поскольку тормозится его поступательное развитие [5, с. 57]. Доказательством того, что характер отдельных преступлений и преступности в целом зависим от социально-исторических условий, являются процессы криминализации и декриминализации конкретных деяний, которые в тот или иной исторический период в определенной общественно-экономической формации принимали характер общественно опасных либо, напротив, не признавались таковыми.

Несмотря на отсутствие каких-либо правовых запретов и ограничений, связанных с азартными играми, не говоря уже об уголовной ответственности как таковой, увлечение ими как в Китае, так и в Японии испокон веков порицалось, что было обусловлено религиозными взглядами. Именно данный фактор послужил причиной установления в отношении игорной деятельности ответственности, которая изначально имела общесоциальный аспект и формировалась под воздействием норм нравственности и морали, религиозных взглядов и мировоззрений. В последующем такие нормы прочно укоренились в обществе и закрепились на уровне обычного права. Однако ввиду их многообразия и противоречивости, обусловленной обособленностью административно-территориальных образований, единый подход к установлению ответственности за азартные игры отсутствовал. В одних провинциях Китая азартные игры считались серьезным преступлением и строго наказывались вплоть до смертной казни, в других были вполне допустимы, а если и следовало наказание, то только за те преступления, которые были непосредственно сопряжены с игорной деятельностью (кража проигравшего, убийство из-за долга в азартных играх и т. д.).

Таким образом, в процессе эволюции из безобидных способов препровождения досуга азартные игры превратились в объект преступной деятельности, поскольку множество неблагоприятных социальных последствий, которые на протяжении многих веков сопровождали азартные игры, явились причинами их восприятия, как некоего отрицательного явления и, как следствие, негативного отношения со стороны общества, а также объектом преследования и установления в отношении них запретов со стороны государства. Вместе с тем, постепенно негативное социальное отношение к азартным играм трансформировалось в

правовые нормы, устанавливающие прямой запрет на участие в азартных играх, деятельность, связанную с их организацией и проведением, а также юридическую ответственность, которая нашла нормативное закрепление в действовавших на тот момент документах правового характера. Примечательно, что уголовная ответственность за азартные игры имела место в отношении их участников (игроков). Данная тенденция наблюдается в Китае и Японии и в современный период. При этом следует заметить, что не все азартные игры подвергались преследованию, а только те, в которых игроки участвовали с целью получения вознаграждения, т. е. извлечения выгоды. Указанный признак и по сегодняшний день является квалифицирующим для данной категории преступлений, а, следовательно, и одним из оснований наступления уголовной ответственности за азартные игры.

Основным источником современного уголовного права Китая, устанавливающим преступность деяний на территории Китайской Народной Республики, является Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (УК КНР). Следует отметить, что современный УК КНР содержит понятие преступления, четко не определяя признаки деяния, за которое может быть установлена уголовная ответственность. Так, согласно ст. 3 УК КНР преступлением является то, что названо как таковое, в настоящем Кодексе, поэтому определение преступления и вынесение приговора осуществляются на основе настоящего Кодекса. Если деяние не названо как преступление в настоящем Кодексе, то его нельзя определять как преступление и выносить приговор [8, с. 200]. Однако такой формальный подход не раскрывает социальной сущности преступления.

Так, ст. 303 УК КНР содержит положение об уголовной ответственности за участие в коллективных азартных играх, организацию игорных домов или профессиональное занятие игорной деятельностью с целью получения прибыли. В данном случае квалифицирующим признаком, выступающим основанием привлечения лица к уголовной ответственности, является извлечение прибыли из указанного вида деятельности независимо от ее размера и форм организации игорной деятельности. Тем самым законодатель фактически устанавливает полный запрет на азартные игры в Китае. Более того, расширяет субъектный состав правонарушения, предусматривая уголовную ответственность не только в отношении организаторов азартных игр, но и всех их участников. Таким образом, любая игорная деятельность в Китае носит незаконный характер. Как полагаем, побудительным мотивом столь бескомпромиссного подхода властей страны к данному виду деятельности является невозможность контролировать игорный бизнес на территории густонаселенного Китая.

Единственная зона, где развитие игорного бизнеса носит легальный характер — это Специальный Административный район Макао (Macau). Бывшая португальская колония Макао с 1999 г. представляет собой автономную территорию в составе Китая. При этом лояльное отношение властей Китая к азартным играм в Макао обусловлено его особым статусом, благодаря которому он обладает значительной автономией, собственными законами, правовой и экономической системами, вплоть до реализации права участия в международных организациях. Игорный бизнес в Макао находится на легальном положении, более того, ежегодно пополняет бюджет района более чем на 50 %. Здесь расположено одно из самых крупных казино в мире, а благодаря развитию игорного бизнеса с привлечением в данный сектор значительных инвестиций этот регион относится к самым зажиточным территориям мира [2, с. 33].

На сегодняшний день деятельность по организации и проведению азартных игр легализована в большинстве стран мира и является немаловажной составляющей национальных экономик. К числу таких стран можно отнести Японию, где ситуация с азартными играми обстоит несколько иначе, чем в Китае. В настоящее время в Японии находится самое большое число игровых автоматов. Индустрия азартных игр приносит стране значительный доход, поэтому игорный бизнес постепенно легализуется, но по-прежнему остро стоит проблема нелегальных игорных заведений. Государственная политика в отношении игорной деятельности отразилась и на современном уголовном законодательстве Японии. Уголовный кодекс Японии (УК Японии) посвящает отдельную главу преступлениям, относящимся к азартным играм и лотерее.

В средневековой Японии, как и в Китае, власти относились к азартным играм крайне негативно. Но если уличенных в этом придворных или самураев хулилии прощали, то представителям низших слоев за те

же грехи грозили порка, ссылка, а иногда и смертная казнь. Участники азартных игр были для японского судопроизводства теми же убийцами и ворами. В середине XVIII в. смертная казнь к игрокам применяться перестала, ее заменили на огромные штрафы [2, с. 22]. В целом уголовная ответственность за азартные игры в Японии на протяжении многих веков устанавливалась по тому же принципу, что и в Китае, поскольку формирование японской правовой системы происходило под авторитетным влиянием религиозной и правовой идеологии Китая. Однако постепенное превращение Японии в централизованное государство континентального образца способствовало становлению собственных институтов права, в том числе и института уголовной ответственности, с учетом специфики политического, экономического устройства и государственного управления.

Примечательно, что гл. 23 действующего УК Японии предусматривает уголовную ответственность не только за организацию и проведение азартных игр, но также за участие в них и посредничество, которое касается деятельности, связанной с продажей лотерейных билетов. В силу ст. 185 УК Японии лицо, вступившее в азартную игру или державшее пари на имущественные ценности, когда исход зависит исключительно от случая, наказывается денежным штрафом на сумму до 500 тыс. иен или малым штрафом. Это, однако, не относится к тем случаям, когда ставками являются такие вещи, которые служат для немедленного потребления. Условия наступления уголовной ответственности предусматривает ст. 186 УК Японии — привычная азартная игра, открытие помещений для игры, сбор игроков. В соответствии с указанной статьей лицо, привычно занимающееся азартной игрой или заключением пари, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет. Лицо, которое в корыстных целях открывало помещение для игры или собирало игроков, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от трех месяцев до пяти лет.

В Японии запрещена деятельность, связанная с продажей, посредничеством при продаже или получении лотерейных билетов. УК Японии (ст. 187) предусматривает следующие составы преступлений, связанных с реализацией лотерейных билетов, и виды наказаний:

– тот, кто продает лотерейные билеты, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до двух лет или денежным штрафом на сумму до 1 млн 500 тыс. иен;

– тот, кто посредничает при продаже билетов, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до одного года или денежным штрафом на сумму до 1 млн иен;

– тот, кто в иных случаях, кроме предусмотренных в двух предыдущих частях, передает и получает лотерейные билеты, наказывается денежным штрафом на сумму до 200 тыс. иен или малым штрафом.

В данном случае речь идет о лотерейных билетах, выпускаемых государством, так как в Японии лотерейная деятельность находится исключительно в ведении государства, и такой подход японского законодателя, на наш взгляд, является вполне обоснованным.

Российский законодатель не относит лотерею к азартным играм как таковым, более того, данный вид деятельности носит легальный характер. В этой связи в России действует Федеральный закон «О лотереях»[1], который определяет правовую основу государственного регулирования отношений, возникающих в области организации и проведения лотерей. Положение о том, что лица, виновные в нарушении, несут уголовную, административную и иную ответственность в соответствии с законодательством РФ содержит п. 1 ст. 24 Федерального закона «О лотереях». Ограничения на проведение лотерей в период избирательной кампании и кампании референдума устанавливает ст. 6.1 указанного закона. Административную ответственность за нарушение запрета на проведение в период избирательной кампании, кампании референдума лотерей и других основанных на риске игр, связанных с выборами и референдумом, определяет ст. 5.49 Кодекса об административных правонарушениях РФ[2] (КоАП РФ).

Административная ответственность предусмотрена также ст. 14.27 КоАП РФ за следующие виды нарушений:

– проведение лотереи без полученного в установленном порядке разрешения или без направления в установленном порядке уведомления;

[1] О лотереях : федер. закон от 11 нояб. 2003 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс об административных правонарушениях РФ : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

– несвоевременное перечисление целевых отчислений от лотереи, а также их направление на иные цели, чем те, которые предусмотрены законодательством о лотереях;

– отказ в выплате, передаче или предоставлении выигрыша, а также нарушение порядка и (или) сроков выплаты, передачи или предоставления выигрыша, предусмотренных условиями лотереи;

– неопубликование годового отчета о проведении лотереи, несоблюдение требований, предъявляемых к лотерейным билетам.

В российском законодательстве фактически отсутствует положение об уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение лотереи. При этом на практике привлечение виновных к уголовной ответственности обусловлено не столько тем, что имеет место факт незаконности данного вида деятельности, сколько незаконность азартных игр, организация и проведение которых осуществляется под видом лотерейной деятельности. К примеру, в ходе рассмотрения гражданского дела по иску прокурора Центрального района г. Новокузнецка к Обществу о признании деятельности незаконной определением Кемеровского областного суда от 21 декабря 2011 г. было установлено, что фактически сложилась ситуация, при которой в действительности под видом проведения лотереи обособленные подразделения Общества осуществляют деятельность по организации и проведению азартных игр, т. е. деятельность, направленную на заключение основанных на риске соглашений о выигрыше с участниками азартных игр.

Между тем, мы считаем возможным отнесение лотерейной деятельности к одному из видов игорной деятельности, поскольку лотерея обладает такими существенными признаками азартных игр, как извлечение прибыли и случайность выигрыша. На сегодняшний день существует множество предложений и различных видов негосударственных лотерей, которые носят стихийный характер, что порождает массу нарушений, а практика показывает неэффективность правового регулирования лотерейной деятельности. Федеральным законом № 416-ФЗ[1] законодатель, по-видимому, обратил внимание на положительный международный опыт, запретив с 1 июля 2014 г. проведение всех лотерей, кроме государственных, всероссийских и международных.

Анализ современного законодательства Китая и Японии свидетельствует о наличии положительных разработок в области правового регулирования и ответственности за незаконные азартные игры. Однако оставим открытым вопрос о необходимости ужесточения ответственности на примере этих стран. По нашему мнению, адекватными регуляторами в рассматриваемой сфере вполне могут стать институт административной преюдиции и отлаженный механизм административной ответственности за незаконные азартные игры. При этом считаем возможным установление юридической ответственности в отношении игроков за участие в азартных играх, организуемых и проводимых нелегально. Такой подход вполне логичен и оправдан, поскольку спрос рождает предложение. На сегодняшний день игроки готовы участвовать в азартных играх даже в том случае, если игры носят заведомо противоправный характер, что мотивирует организаторов к созданию нелегальных игорных заведений. Тогда как установление ответственности в отношении игроков будет в значительной степени способствовать выведению игорной деятельности из сферы теневой экономики.

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О лотереях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 416-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранов В. М., Чупров А. Ю.* Транснациональная экономическая преступность: сущность и основные направления противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2007. — № 2. — URL : http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=152&SID.

2. *Ковтун Е. В., Ковалев С. А.* Правовое регулирование игорного бизнеса в зарубежных странах. — М., 2006. — 217 с.

3. *Кубов Р. Х., Спиридонов А. П.* Транснациональные преступления и национальная безопасность // Российский следователь. — 2007. — № 14. — С. 29–32.

4. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. — М., 1969. — 232 с.

5. *Магомедов М. А.* Уголовная ответственность как институт публичного права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 2004. — 179 с.

6. Россия в фокусе криминальной глобализации / *И. Н. Баранник, А. Н. Богаевская, М. И. Варченко* и др. ; отв. ред. В. А. Номоконов. — Владивосток, 2002. — 400 с.

7. Теория государства и права : учеб. / *А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев, А. Х. Саидов* ; под ред. А. С. Пиголкина. — М., 2005. — 544 с.

8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. *А. И. Коробеева*, пер. с кит. Д. В. Вичикова. — СПб., 2001. — 303 с.

9. *Хейзинг Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитонова. — М., 1997. — 416 с.

REFERENCES

1. Baranov V. M., Chuprov A. Yu. Transnational Economic Crimes: Essence and Key Areas in Counteraction. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Papers of the Academy of Management of the Russian Internal Affairs Ministry,* 2007, no. 2. Available at: http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=152&SID (in Russian).

2. Kovtun E. V., Kovalev S. A. *Pravovoe regulirovanie igornogo biznesa v zarubezhnykh stranakh* [Legal Regulation of the Gambling Industry in Other Countries]. Moscow, 2006. 217 p.

3. Kubov R. Kh., Spiridonov A. P. Transnational Crimes and National Security. *Rossijskij sledovatel' – Russian Investigator,* 2007, no. 14, pp. 29-32 (in Russian).

4. Kuznetsova N. Ph. *Prestuplenie i prestupnost'* [Crime and Criminality]. Moscow, 1969. 232 p.

5. Magomedov M. A. *Ugolovnaya otvetstvennost' kak institut publichnogo prava. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal Liability as an Institute of Public Law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2004. 179 p.

6. Nomokonov V. A. (ed.) *Rossiya v phokuse kriminal'noj globalizatsii* [Russia in the Focus of Criminal Globalization]. Vladivostok, 2002. 400 p.

7. Pigolkin A. S. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2005. 544 p.

8. Korobeev A. I. (ed.) *Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki* [Criminal Code of People's Republic of China]. Saint-Petersburg, 2001. 303 p.

9. Huizinga J. Homo Ludens. *Stat'i po istorii kul'tury* [Papers on the History of Culture]. Moscow, 1997. 416 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобрович Павел Павлович (Владивосток) — аспирант кафедры уголовного права. Дальневосточный федеральный университет (690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bobrovich, Pavel Pavlovich (Vladivostok) — Ph.D. student, Chair of Criminal Law. Far Eastern Federal University (Sukhanova st., 8, Vladivostok, 690091, Primorskiy Krai, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 343.72
ББК 67.4

И. П. Родивилин
оперуполномоченный отдела «К»
ГУ МВД России по Иркутской области

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ БАНКОВСКИМ СЧЕТОМ И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с появлением нового способа хищения денежных средств с банковского счета, который совершается путем удаленного управления через услугу мобильного банкинга. Анализируются последние законодательные изменения в гл. 21 УК РФ, касающиеся введения новых составов мошенничества, а также определен механизм совершения подобного рода деяний. Сделан вывод о том, что преступления в сфере компьютерной информации, совершаемые с помощью удаленного управления банковским счетом, необходимо квалифицировать по трем статьям УК РФ: 158, 183, 272. Предложены меры по предупреждению хищений денежных средств с банковского счета.

Ключевые слова: неправомерный доступ к компьютерной информации; хищение денежных средств с банковского счета; мошенничество; банковская тайна.

I. P. Rodivilin
Operative, Department «K»
Main Office of Russian Ministry of Internal Affairs
for Irkutsk Region

ISSUES OF QUALIFYING AND PREVENTING THE BANK ACCOUNT TAKEOVER TYPE OF CYBERCRIMES

The paper examines some issues connected with the emergence of a new type of bank account hacking that is committed using distance management of mobile banking services. The author analyzes the latest legislative changes in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation that introduce a new corpus delicti for fraud and determine the mechanism of committing such crimes. The author concludes that cybercrimes in the sphere of distance banking should be qualified according to three Articles of the Criminal Code of the Russian Federation: 158, 183, 272. He also offers some measures for preventing the theft of money from the bank account.

Keywords: illegal access to computer information; theft of money from a bank account; fraud; bank secrecy.

На современном этапе развития общества человек не может обойтись без средств цифровой техники, будь то компьютер, ноутбук, телефон, планшет или иные гаджеты. Подобные устройства позволяют значительно облегчить и упростить многие процессы. Например, используя мобильный телефон, можно оплатить покупку авиабилета, продуктов, не выходя из дома. Для выполнения подобного действия достаточно лишь подключить к своему телефонному номеру услугу мобильного банкинга, который представляет собой SMS-сервис, позволяющий получать на мобильный телефон информацию обо всех операциях по карте: состояние текущего счета, последние операции по карте и даже информацию о минимальных платежах, в случае если клиент захочет взять кредит. Кроме того, с помощью этой услуги можно проводить различные платежи и переводить деньги со счета на счет[1]. Сделать это совсем не трудно. Так, подписаться на данную услугу можно во время оформления карты, а также позже, подключившись через систему интернет-банкинга или позвонив в call-центр.

[1] Что такое Мобильный банк? — URL : http://bank.ru/publication/show/id/8357.

© И. П. Родивилин, 2014

Для осуществления списания денежных средств со счета банковской карты необходимо отправить SMS-команду с телефонного аппарата на сервер банка. В результате отправки команды на сервере банка произойдет изменение электронных журналов, выражающееся в преобразовании сумм денежных средств, находящихся на банковском счете. Чаще всего, данную услугу подключают с целью оповещения о том, что на банковскую карту перечислена заработная плата или сняты средства, а также для получения информации о балансе на карте. Однако о том, что при помощи услуги мобильного банка можно переводить денежные средства на другие карты, а также на баланс других SIM-карт, многие не знают.

SMS-команда, отправленная с телефонного аппарата, а также информация, хранящаяся в телефонных устройствах и на сервере банка, подпадает под понятие компьютерной информации, указанное в примечании к ст. 272 УК РФ — сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Таким образом под дефиницию компьютерной информации подпадают любые сведения, находящиеся в памяти любой компьютерной техники.

На протяжении нескольких лет в Российской Федерации набирают оборот преступления в сфере компьютерной информации, совершаемые с использованием дистанционного управления банковским счетом, в которых присутствуют признаки состава преступления, квалифицируемого по ст. 272 УК РФ. Суть его состоит в том, чтобы получить доступ к телефонному номеру, к которому подключена услуга мобильного банкинга, и с помощью ее совершить неправомерный доступ к серверу банка, на котором содержатся сведения о банковском счете. Затем путем модификации хранящейся там информации совершить хищение денежных средств с банковского счета.

Получить доступ к телефонному номеру можно разными способами.

Так, например, в Адыгее был задержан молодой человек, приобретавший у провайдеров заблокированные SIM-карты и снимавший деньги со счетов их бывших владельцев. Он покупал у провайдеров компаний сотовой связи SIM-карты телефонных номеров, которыми абоненты не пользовались длительное время, а затем узнавал по ним баланс денежных средств на кредитных карточках бывших владельцев телефонных номеров, после чего обналичивал эти средства. При обыске по месту жительства у него обнаружили и изъяли множество SIM-карт, несколько сотовых телефонов и банковские карты, посредством которых похищались деньги[1].

После покупки SIM-карты новому владельцу начинают приходить SMS-оповещения о состоянии банковского счета гражданина, а также информация о движении денежных средств по счету. В этот самый момент у человека появляется выбор — отключить услугу или осуществить расходные операции по счету чужого лица, используя свой сотовый телефон и SIM-карту. Достаточно часто выбор падает на совершение преступления. Кроме того, уже известны случаи целенаправленного приобретения большого количества SIM-карт в поисках номеров с подключенной услугой «мобильный банк». Вместе с тем, SIM-карты зачастую теряются, выходят из строя или абонент решает поменять оператора связи, который предлагает наиболее выгодный тариф. Это приводит к тому, что через некоторое время SIM-карта, к которой уже подключена услуга «мобильный банк», приобретается другим абонентом.

Стоит отметить, что кражи сотовых телефонов на сегодняшний день являются одним из наиболее распространенных видов преступлений. Чаще всего SIM-карта в подобных случаях выбрасывается (что также может привести к смене владельца номера). О фактах целенаправленных краж телефонов с целью хищения денежных средств с банковского счета с помощью услуги «мобильный банк», автору пока не известно. Однако по мере увеличения количества пользователей данного сервиса можно ожидать появления подобного вида преступной деятельности.

Первый шаг в борьбе с подобного рода преступлениями уже сделан.

Федеральным законом Российской Федерации «О внесении изменений в статью 44 Федерального закона “О связи”»[2] от 2 ноября 2013 г. № 304-ФЗ и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях вводится административная ответственность за продажу SIM-карт без паспорта, а также запрет на

[1] Полицейскими Адыгеи задержан подозреваемый в совершении серии мошеннических действий. — URL : http://mvd.ru/news/item/1195737.

[2] О внесении изменений в статью 44 Федерального закона «О связи» : федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 304-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 44, ст. 5643.

их продажу вне магазина. Подобные меры должны сократить рынок продажи SIM-карт лицам, желающим совершать с их помощью преступления, в том числе в сфере компьютерной информации, ввиду невозможности остаться не идентифицированными. В свою очередь банковская организация никаким образом не отслеживает факт перерегистрации телефонного номера на другого абонента, у которого появляется возможность получать информацию о состоянии счета, осуществлять платежные операции с чужим счетом.

Между тем, по последним данным Управления «К» МВД РФ, количество киберпреступлений, совершенных в Российской Федерации в 2012 г., выросло на 28 % по сравнению с предыдущим годом. Наибольшую распространенность получили мошенничество и хищение денег с банковских счетов юридических и физических лиц с помощью компрометации систем интернет-банкинга. В 2012 г. зарегистрировано 3 645 таких преступлений, в то время как годом ранее их было 2 123[1].

В ходе анализа уголовных дел (76 уголовных дел, возбужденных в Иркутской области по признакам преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых с использованием дистанционного управления банковским счетом) было выявлено, что в 90 % случаев подобные деяния квалифицируются как кража, т. е. тайное хищение чужого имущества. Следственными работниками и работниками прокуратуры, ввиду низкой профессиональной квалификации, действия по вводу, модификации и копировании компьютерной информации, находящейся на сервере банка не квалифицируются.

Объективную сторону подобного рода преступлений составляет неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. Под доступом к компьютерной информации понимается получение возможности ознакомиться и (или) воспользоваться компьютерной информацией. Неправомерным признается доступ к компьютерной информации лица, не обладающего правами на получение и работу с данной информацией либо компьютерной системой, в отношении которого приняты специальные меры защиты, ограничивающие круг лиц, имеющих к ней доступ. Под охраняемой законом информацией понимается информация, для которой установлен специальный режим ее правовой защиты, например государственная, служебная и коммерческая тайна, персональные данные, объекты авторского права и смежных прав [1, с. 65].

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ[2] в УК РФ была введена ст. 159.6 — мошенничество в сфере компьютерной информации, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, или информационно-телекоммуникационных сетей. Однако в 2013 г. в Иркутской области не было возбуждено ни одного уголовного дела по ст. 159.6 УК РФ.

При хищении денежных средств с помощью мошенничества путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, или информационно-телекоммуникационных сетей максимальным наказанием является арест на срок до 4 месяцев, тогда как при обычном мошенничестве предусмотренное наказание значительно выше — лишение свободы на срок до 2 лет. За неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации (ч. 2 ст. 272 УК РФ) устанавливается наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев.

У правоприменителя возникают проблемы при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и приоритет отдается в пользу уже известных составов ст. 272, 159 УК РФ. Однако возникают сомнения в правильности оценки подобного деяния как мошенничества. Если для мошенничества характерны признаки обмана и злоупотребления доверием, то в ситуациях, когда для завладения чужим имуществом используются возможности

[1] Проблемы квалификации преступлений, связанных с хищением денежных средств в системах интернет-банкинга. — URL: http://www.group-ib.ru/?view=article&id=1001.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 нояб. 2012 г. № 207-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 49, ст. 6752.

компьютерных технологий, мы не сможем отыскать многих из этих признаков.

Таким образом, преступления в сфере компьютерной информации, совершаемые с использованием дистанционного управления банковским счетом, подпадают под квалификацию по ст. 158 УК РФ. Представляется, что было бы целесообразно дополнить указанную статью квалифицирующим признаком — с использованием компьютерной техники и в результате неправомерного использования компьютерной информации.

Не маловажным является и то, что злоумышленники получают возможность просматривать информацию о состоянии банковского счета гражданина, которая выдается кредитной организацией им самим; судам; органам принудительного исполнения судебных актов; актов других органов и должностных лиц; организации, осуществляющей функции по обязательному страхованию вкладов, при наступлении страховых случаев, предусмотренных федеральным законом о страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации; а при наличии согласия руководителя следственного органа — органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, а также на основании судебного решения кредитной организацией должностным лицам органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений по их запросам, направляемым в суд в порядке, предусмотренном ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ[1]. Таким образом, получение указанных сведений подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ.

Для предупреждения подобных преступлений необходимо усилить контроль над вновь выпускаемыми SIM-картами, к которым подключена услуга мобильного банкинга. Эффективной профилактикой борьбы с преступлениями в сфере удаленного управления банковским счетом была бы возможность производить информирование граждан о подобного рода ситуациях.

Подобные преступления, совершенные с использованием дистанционного управления банковским счетом, за последние несколько лет получили широкое распространение, и по мере увеличения числа пользователей «мобильного банка» их количество будет расти. В этих условиях от государства требуется принятие мер, направленных на предупреждение и обеспечение условий для раскрытия и расследования подобного рода преступлений.

В целях профилактики необходимо обеспечить информирование граждан о подобного рода ситуациях, которые являются условиями совершения хищений с их банковских счетов. Представляется целесообразным также рассмотрение вопроса введения административной ответственности за распространение SIM-карт без указания персональных данных приобретателя или указания недостоверных данных.

[1] О банках и банковской деятельности : федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (ред. от 21 дек. 2013 г. № 379-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 6, ст. 492.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев В. М. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. — СПб., 2013. — 551 с.

REFERENCES

1. Lebedev V. M. *Kommentarij k ugolovnomu kodeksu Rossijskij Phederatsii* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation]. Saint-Petersburg, 2013. 551 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Родивилин Иван Петрович (Иркутск) — оперуполномоченный отдела «К» (по борьбе с правонарушениями в сфере информационных технологий), старший лейтенант полиции. Главное управление Министерства внутренних дел России по Иркутской области (664003, г. Иркутск, ул. Литвинова, 15, e-mail: 377a@bk.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rodvilin, Ivan Petrovich (Irkutsk) — Operative, Department «K» (counter-cybercrime), Senior Lieutenant of Police. Main Office of Russian Ministry of Internal Affairs for Irkutsk Region (Litvinova st., 15, Irkutsk, 664003, e-mail: 377a@bk.ru)

УДК 34(091)
ББК 67.2(2)

М. А.Сафонов
Сибирская академия права, экономики и управления

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ К ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ В 1921–1925 гг.

В статье представлен анализ организационно-правовых мероприятий советской власти в первой половине 20-х гг. прошлого века, целью которых было укрепление плановых начал в экономике СССР. Перечислен ряд ключевых мероприятий высших органов государственной власти, а также дана оценка деятельности хозяйственных органов на пути построения нового типа урегулирования экономических отношений в России. Раскрыта разносторонность и многогранность мероприятий, призванных обеспечить переход СССР к плановой экономике, отслежена последовательность в их реализации. Кратко изложено несколько подходов к изучению темы. Материал раскрывает значение поэтапного преобразования экономики, имевшего место в 1920-е гг., изучение которого в настоящее время имеет несомненную теоретическую и практическую ценность.

Ключевые слова: нэп; плановая экономика; планирование; административно-командная система; реформы; госорганы.

M. A. Safonov
Siberian Academy of Law, Economics and Management

MEASURES TAKEN BY THE SOVIET STATE IN 1921–1925 IN PREPARATION FOR INDUSTRIALIZATION

The paper presents an analysis of organizational and legal measures taken by the Soviet authorities in the first half of 1920-s with the aim of strengthening the planning basis in the USSR economy. It specifies the key measures taken by the highest bodies of state power and evaluates the performance of economic organizations in their efforts to construct a new type of economic relations' regulation in Russia. The author shows the diversity and multifaceted character of measures used to facilitate the USSR in its transition to planned economy and describes the consistency of their implementation. The paper briefly outlines several approaches to researching this subject. The author shows the importance of step-by step economic reforms, as it happened in 1920-s, and the undoubted theoretical and practical value of studying it.

Keywords: the New Economic Policy (NEP); planned economy; planning; administrative command system; reforms; state bodies.

Переход к плановой экономике в отечественной историко-правовой науке традиционно рассматривается в ключе тех изменений, которые затронули структуру и компетенцию ряда органов государственной власти СССР. Нельзя не признать данный подход верным. Однако злоупотребление этим приемом зачастую приводит к тому, что административная сторона вопроса закрывает все остальные аспекты поставленной проблематики. Масштабная подготовительная работа, которая велась в СССР в первые годы послевоенного времени, часто упускается из виду. Между тем, в контексте современных экономических проблем России и всего мирового сообщества данные знания могут иметь определенную ценность.

Изучение подготовительных мероприятий, проводимых в СССР накануне «свертывания» новой экономической политики, позволит нам получить более полное представление о сущности тех процессов, которые происходили во внутренней политике СССР в 20-е гг. XX в., оценить значение тех или иных государственных преобразований и ключевых нормативно-правовых актов. Сведения, указывающее на то, что новая модель экономики постепенно созревала внутри системы нэпа, говорят об ошибочности подходов, изображающих переход к плану едва ли не как внезапную акцию.

Начиная с 1926 г. осуществляется ряд значимых изменений в структуре и компетенции таких ключевых органов, как Совет народных комиссаров (СНК), Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) и Совет труда и обороны (СТО). Изменения были обусловлены стартом реализации новых подходов к планированию. Эти начинания остаются

© М. А. Сафонов, 2014

за рамками данной статьи, цель которой — раскрытие значения мероприятий более раннего периода, тех, что опосредовали важнейшим структурным изменениям в государстве и праве СССР конца 20-х гг. XX в.

В становлении основ плановой экономики определяющее значение имел Совет труда и обороны. Уже с 1920 г. СТО занимался подготовкой единых народнохозяйственных планов РСФСР, вносил их на утверждение ВЦИК, а также координировал деятельность наркоматов по выполнению планов и при необходимости мог вносить в реализуемый план отдельные коррективы, обладал в целом широким набором полномочий. Деятельность СТО не ограничивалась только центральными органами государственного управления — СТО также руководил и своими местными органами.

В качестве таковых выступали областные, губернские, уездные, районные, фабрично-заводские, волостные и сельские экономические совещания (экосо), создание которых было закреплено постановлением VIII Всероссийского съезда Советов от 23 декабря 1920 г. Экономические совещания действовали на правах комиссии исполкома совета, принимали решения, обязательные для всех учреждений и ведомств, подчиненных этому исполкому или совету. В частности, губернские экономические совещания имели право согласовывать и руководить деятельностью всех местных хозяйственных органов на территории губернии, утверждать губернские хозяйственные планы, рассматривать хозяйственные договоры с кооперативами, артелями, наблюдать за правильным и целесообразным использованием всех материальных ресурсов губернии, регулировать использование рабочей силы и др.[1]

Постановлением ВЦИК от 30 июня 1921 г. признавалось необходимым образовать экономические совещания при исполкомах всех местных советов и даже на отдельных государственных предприятиях. Экономические совещания были структурой весьма примечательной в своем роде — являясь низовыми органами СТО, имея определенный набор полномочий и возможность действовать самостоятельно, они всей своей деятельностью укрепляли позиции централизованного управления и постепенно внедряли в хозяйственную практику огромного государства плановые начала. Не стоит забывать и о важной информационной роли (сбор и обработка данных, мониторинг развития производства, обмен проектами планов, обучение руководящего персонала и др.), которую играли экономические советы на местах.

Сети экономических совещаний суждено было внести значительную лепту в построении новой модели экономики в конце 20-х гг. XX в. Однако первые годы своего существования сеть экосо, и собственно СТО, главным образом работали над решением текущих задач — защитой отраслей экономики от полного краха и обеспечение их роста на началах нэпа. В этом смысле особняком от всех государственных структур и учреждений стоял Госплан при СТО. Учрежденный декретом СНК от 22 февраля 1921 г. Госплан был призван взять на себя обеспечение выполнения первого советского планового проекта — плана электрификации (ГОЭЛРО). На основе этой программы Госплану поручалось разработать единый комплексный хозяйственный план, а также рассматривать и согласовывать с общегосударственным планом программы и планы отдельных ведомств и региональных хозяйственных организаций.

Госплан действовал через широкую сеть секций, делившихся как по отраслевому, так и территориальному принципам, взаимодействуя со структурами, подчиненными ВСНХ, и экономическими совещаниями, подконтрольными СТО. Работа Госплана и его секций носила в тот период характер сложной двусторонней связи. Разработанные облпланами плановые программы после рассмотрения их в облэкосо представлялись в Госплан как материал для составления общегосударственного хозяйственного плана. В своей работе облпланы должны были опираться на работу ведомственных плановых областных органов, корректируя их планы и сводя их в областной план [2, с. 32]. Однако специфика нэпа диктовала и особый характер работы Госплана в данный период. Превратившийся в конце 20-х гг. XX в. в командный центр, издающий жесткие планы-директивы, Госплан в большей степени являлся центром научного анализа и прогноза, нежели органом оперативного управления экономикой.

Правда, в 1922 г. была предпринята попытка усилить управленческую составляющую в деятельности Госплана: ВЦИК и СНК утвердили новое положение «О Государственной общеплановой комиссии» от 8 июня 1922 г. Этот акт давал Госплану право активно вмешиваться в экономиче-

[1] О местных органах экономического управления : постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23 дек. 1920 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ские процессы в РСФСР и союзных республиках, опираясь на Наркомфин и даже на НКВД [2, с. 32]. В сущности же, данный шаг внес незначительные изменения в работу Госплана — в условиях глубокого кризиса народного хозяйства послевоенной России планирование в основном касалось процесса распределения ресурсов, имеющихся в государстве. При таких обстоятельствах политику партийного и государственного руководства в отношении Госплана в 1924 г. выразил в своих словах Председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский: Госплан должен стать «коллегией ученых, дающих СТО экспертные заключения и вырабатывающих общие годовые и перспективные планы и контрольные цифры. Ничего больше» [6, с. 288]. Между тем, данная сторона деятельности Госплана — научный анализ экономических процессов и систематизация имеющегося опыта — особенно примечательна.

Имея в своем распоряжении сеть отраслевых и территориальных органов, Государственная общеплановая комиссия путем изучения хозяйственной практики и используя налаженную систему обмена информацией постоянно совершенствовала методы планирования. Научный анализ, а вовсе не административное давление, являлся главным подходом в вопросе о методах ведения плановой работы в первой половине 20-х гг. XX в. Недостаточный собственный опыт хозяйствования компенсировался активным изучением зарубежной теории и практики, а также сбором фактического материала для его последующей теоретической обработки [3, с. 7].

Стоит отметить, что в составлении производственных программ и перспективных планов развития отраслей народного хозяйства Госплан в первые годы своего существования проявлял порой излишнюю осторожность в прогнозах [2, с. 131], отнюдь не в духе административно-командной системы конца 20-х гг. XX в. Усиление плановых начал в первую очередь должно было коснуться промышленности — центральной отрасли народного хозяйства, где сильно было влияние государства. В данном случае, механизмы плановости являлись одновременно и средством, и важнейшей целью развития. В связи с этим важно изучить положение дел внутри ВСНХ — основного органа управления промышленностью.

Переход к нэпу диктовал необходимость сокращения аппарата данного ведомства, поэтому в августе 1921 г. происходит реформирование системы главков при ВСНХ. Количество отраслевых главных управлений сократилось с 52 до 16 [5, с.167]. Из их числа в начале 20-х гг. XX в. функции планирования прямо или косвенно выполняли: Главное экономическое управление (ГЭУ); Центральное управление государственной промышленности (Цугпром); Главное управление металлической промышленности (Главметалл); Главное электротехническое управление (Главэлектро); Научно-технический отдел (НТО) и др. [6, с. 101]. С образованием СССР в декабре 1922 г. были учреждены республиканские ВСНХ, а так же губернские Советы народного хозяйства на местах (ГСНХ). Именно в рамках подразделений ВСНХ процесс составления плана все теснее и теснее увязывался с реальным производственным процессом. Сохраняя значительную самостоятельность в составлении перспективных планов, ВСНХ в середине 20-х гг. XX в. вывел процесс планирования на новый уровень.

Так, весомый теоретико-прикладной вклад в организацию плановой системы хозяйствования внесло Особое совещание по воспроизводству основного капитала промышленности (Освок), образованное приказом ВСНХ от 21 марта 1925 г. Освок организовал свою деятельность на работе трех десятков производственных секций, в каждой из которых была поставлена задача наметить «рабочие гипотезы» для выработки пятилетнего плана развития промышленности на время с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1930 г. Таким образом, именно ВСНХ был первым учреждением, начавшим составлять пятилетние планы.

Наряду с производственными секциями в состав Освока входило пять функциональных секций, охватывающих все отрасли промышленности: финансово-экономическая; сельского хозяйства и его отношений с индустрией; транспортная; районирования промышленности; профтехнического образования и подготовки кадров. Их работой руководил Пленум — совещание представителей всех секций. Возглавлял Освок Президиум [1, с. 235].

Руководству ВСНХ удалось привлечь к работе большое число беспартийных специалистов — инженеров и ученых, которые активно включились в работу Освока. В результате внутри Освока была развита бурная исследовательская деятельность — в первые 3 месяца существования комиссия провела более 400 заседаний и совещаний [1, с. 236]. Каждая отрасль промышленности детально исследовалась: устанавливалась емкость рынка данной индустрии, наличии

и рост необходимых для нее сырьевых и других ресурсов и т. д. С учетом всех данных оценивались конкретные перспективы развития. Первичную проверку работы секций осуществляла Комиссия по критической сводке гипотез отраслей промышленности.

Результат работы Освока при ВСНХ стал основой первого в истории СССР пятилетнего плана развития народного хозяйства. В смысле подготовки к внедрению плановости в советскую экономику Освок своей значимостью ничуть не уступал Госплану. В мае 1925 г. подобная Освоку комиссия была образована и при Госплане, но занималась она разработкой вопросов об основном капитале не только в промышленности, а во всех отраслях народного хозяйства.

Внедрение плановых начал включало различные мероприятия. В широком смысле помимо подготовки качественно работающего аппарата планирования к мероприятиям, проводимым государством с целью приготовлений к смене типа экономики, к ним можно отнести практически все начинания большевиков с начала 1920-х гг.

В свою очередь при узком рассмотрении поставленного вопроса нельзя не упомянуть о тех нововведениях, которые прямо относятся к подготовительной работе, призванной содействовать укреплению плановых начал и улучшению деятельности таких специально-плановых структур, как Госплан, Освок и др.

Так, например, важное значение для развития теории и практики планирования сыграли мероприятия по внедрению единых стандартов в производстве, что способствовало унификации подсчетов и упорядочению самого процесса производства. Начавший свою работу в марте 1925 г. Комитет по стандартизации при СТО к началу первого пятилетнего плана подготовил стандарты на треть всей производимой в стране продукции, а к 1930 г. практически на весь перечень производимых товаров [4, с. 97].

Нельзя себе представить реально выполняемые производственные, финансовые и перспективные планы развития без перехода самого производственного процесса на новый уровень. Работа по рационализации производства и научной организации труда — это тоже значимый шаг государства на пути создания новой экономики. Уже 20 ноября 1921 г. в Москве была созвана Первая Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства. Несмотря на то, что ее организатором был Народный комиссариат путей сообщения, вопросы, обсуждавшиеся на ней, выходили далеко за пределы проблем транспорта [3, с. 7]. Государство всеми силами поощряло движение «рационализаторов», в стране появилась сеть институтов научной организации труда, где активно изучался передовой опыт индустриально-развитых стран.

Новым этапом в развитии планирования должен был стать переход в середине 1925 г. на контрольные цифры — данные о возможностях производства и перспективе развития различных отраслей народного хозяйства. Госплан получал и обрабатывал их, а затем СТО устанавливал рассчитанные объемы производства в виде обязательных директив. Несмотря на имеющийся к тому времени опыт, первая попытка воплотить в жизнь народнохозяйственный план, основанный на контрольных цифрах, в 1925–1926 г. провалилась. Позже главной причиной был назван саботаж со стороны вредителей-специалистов. Реальные же причины в отчетах упоминались лишь кратко, но вполне однозначно — СТО и ВСНХ не смогли согласовать работу множества своих подразделений и решить серьезную задачу в весьма короткий срок — около 4 месяцев [2, с. 333].

Таким образом, с одной стороны, мы видим серьезную, системную и многоплановую работу государства, направленную на реорганизацию экономики на плановых началах. Стимулирование научных поисков, постоянное приспособление госаппарата к требованиям реальности, последовательное укрепление позиций государства в экономике — это и многое другое подготавливало советское государство и общество к грядущим переменам конца 20-х гг. XX столетия.

С другой стороны, отчетливо видны недостатки государственной политики: неизбежное разбухание госаппарата; путаница в компетенции некоторых органов, доходящая до дублирования функций; и, как показали события первой пятилетки и коллективизации, способность совершать крупные ошибки даже после тщательного анализа.

Многое из того что было создано плановыми органами и структурами в период утверждения нэпа было впоследствии отвергнуто государством. Осторожный расчет на базе научного прогноза зачастую заменялся директивами в духе волюнтаризма. Но все же значительная часть всей подготовительной работы достигла своей цели — основы плановой экономики во второй половине 20-х гг. XX в. были сформированы, опробованы на практике и имели несколько реальных программ развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валентинов Н. В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. — М., 1991. — 367 с.

2. *Венедиктов А. В.* Организация государственной промышленности в СССР : в 2 т. — Л., 1961. — Т. 2 : 1921–1934 гг. — 863 с.

3. *Корицкий Э. Б., Лавриков Ю. А., Омаров А. М.* Советская управленческая мысль 20-х годов : крат. имен. справ. — М., 1990. — 233 с.

4. *Кульчицкий С. В.* Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). — Киев, 1979. — 256 с.

5. *Лацис О. Р.* Выйти из квадрата: Заметки экономиста. — М., 1989. — 416 с.

6. *Хромов С. С.* Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. 1921–1926. — М., 1977. — 340 с.

REFERENCES

1. Valentinov N. V. *Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNKh vo vremya NEP. Vospominaniya* [The New Economic Policy and the Party Crisis after Lenin's Death: Years of Working in the Supreme Council of National Economy during the New Economic Policy. Memoirs]. Moscow, 1991. 367 p.

2. Venediktov A. V. *Organizatsiya gosudarstvennoj promyshlennosti v SSSR* [The Organization of State Industry in the USSR]. Leningrad, 1961. Vol. 2: 1921-1934. 863 p.

3. Koritskij E. B., Lavrikov Yu. A., Omarov A. M. *Sovetskaya upravlencheskaya mysl' 20-kh godov* [Soviet Managerial Thought of 1920-s]. Moscow, 1990. 233 p.

4. Kul'chitskij S. V. *Vnutrennie resursy sotsialisticheskoj industrializatsii SSSR (1926–1937)* [Inner Resources of Socialist Industrialization in the USSR (1926–1937)]. Kiev, 1979. 256 p.

5. Latsis O. R. *Vyjti iz kvadrata: Zametki ekonomista* [Getting out of a Square: Essays by an Economist]. Moscow, 1989. 416 p.

6. Khromov S. S. Ph.E. *Dzerzhinskij na khozyajstvennom phronte. 1921–1926* [Dzerzhinskiy at the Industrial Front. 1921–1926]. Moscow, 1977. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафонов Михаил Александрович (Иркутск) — аспирант кафедры теории и истории права и государства. НОУ ВПО «Сибирская академия права, экономики и управления» (664025, г. Иркутск, ул. Сурикова, 21, e-mail: leftfordeadmoe@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Safonov, Mikhail Aleksandrovich (Irkutsk) — Ph. D. student, Chair of Theory and History of State and Law. Siberian Academy of Law, Economics and Management (Surikova st., 21, Irkutsk, 664025, e-mail: leftfordeadmoe@mail.ru)

ДОГОВОРИЛИСЬ, ДОПИСАЛИСЬ, ДОРАБОТАЛИСЬ...

ДОГОВОРИЛИСЬ

Вопрос преподавателя: Что Вам запомнилось из курса дисциплины «Прокурорский надзор»?

Ответ студента: Каждое занятие ознаменовалось тем, что были изучены все основные изучаемые темы общей и особенной частей.

Правила приема в Федеральное государственное бюджетное образователеное учреждение высшего професионального образования…

Заголовок после чтения их корректором

ДОПИСАЛИСЬ

Основная цель проводимого мероприятия — наладить горизонтальные связи…

Когда стали вникать в происходящий процесс — придалось ускорение…

Из интервью

Зарекомендовал себя как успешно успевающий студент….

Умеет устанавливать эмоциональные контакты с людьми, обладает проницательностью, понимает внутренний мир собеседника, имеет адекватную самооценку, способен к сотрудничеству, установлению компромиссов, развитый самоконтроль над эмоциями и поведением…

Из характеристики

ДОРАБОТАЛИСЬ

Следует более значительно обновлять перечень тематики курсовых работ.

Из отчета эксперта при аккредитации вуза

Я ремонтировал в гараже машину и, как полагается настоящему водителю, выпил маленький стаканчик пива, после чего поехал заправлять машину на заправку.

Из объяснений правонарушителя в протоколе по делу об АП

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

I. ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

1. Условия опубликования статьи:

– представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать, постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;

– соответствовать правилам оформления;

– плата с аспирантов за публикацию рукописей в журнале не взимается.

2. Правила оформления статьи:

– статья направляется в редакцию журнала только по электронному адресу prolog-rpa@mail.ru;

– при компьютерном наборе материалов необходимо учитывать следующее: объем статьи — до 0,5 п.л. для соискателей ученой степени и аспирантов, до 1,0 п.л. для лиц, имеющих ученую степень и/или ученое звание, формат страницы А4, текстовый редактор Microsoft Word for Windows; шрифт — Times New Roman, размер — 14, интервал — 1,5; абзацный отступ – 10 мм; все поля — 20 мм;

– материалы сопровождаются аннотацией (не менее 500 символов) и ключевыми словами (3–4 слова или словосочетания);

– текст должен быть тщательно вычитан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала и правильность оформления заимствований;

– нумерация страниц проставляется внизу по центру;

– в конце материалов помещается список использованной литературы (источники располагаются по алфавиту), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1–2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;

– использованная литература (без повторов) оформляется в конце текста под названием «Список использованной литературы». В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием в них порядкового номера источника по списку и через запятую – номер страницы (страниц), например: [5, с. 115]. Другой способ оформления литературы не допускается;

– ссылки на нормативно-правовые акты размещаются постранично и в список использованной литературы не дублируются;

– после списка литературы размещаются сведения об авторе(ах): ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (в именительном падеже), адрес организации, электронный адрес автора(ов).

3. Сопроводительные документы к статье:

– для всех авторов заявка на имя главного редактора журнала о публикации статьи;

– для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рекомендация о возможности публикации статьи в научном журнале, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале «Пролог»;

– сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес.

II. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Научные статьи, поступившие в редакцию проходят через институт рецензирования.

2. Формы рецензирования статей:

– внутренняя (рецензирование рукописей статей членами редакционной коллегии);

– внешняя (направление на рецензирование рукописей статей ведущим специалистам в соответствующей отрасли права).

3. Ответственный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и передает ее в редакционный совет, который направляет рукопись на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным секретарем с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

5. В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и пр.;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) вывод о возможности опубликования данной рукописи и журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

6. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

7. В случае отклонения статьи от публикации ответственный редактор направляет автору мотивированный отказ.

8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

9. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом.

10. После принятия редакционным советом решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

11. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Пролог».

III. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

1. Статьи принимаются по установленному графику:

– в № 1 (март) — до 15 января текущего года;

– в № 2 (июнь) — до 1 апреля текущего года;

– в № 3 (сентябрь) — до 1 июля текущего года;

– в № 4 (декабрь) — до 1 октября текущего года;

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

2. Поступившие статьи рассматриваются редакционным советом в течение месяца.

3. Редакционный совет правомочен осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором, либо, если тематика статьи представляет интерес для журнала, направлять статью на доработку автору.

4. Редакционный совет и редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить статью, не отвечающую установленным требованиям или тематике журнала.

5. Авторы в течение 7 дней получают уведомление о поступившей статье. Через месяц после регистрации статьи ответственный редактор сообщает авторам о результатах рецензирования и о плане публикации статьи.

6. Автору предоставляется бесплатный экземпляр журнала, содержащий опубликованную статью.

Подписано в печать 05.09.2013. Формат 60x90 1/8. Гарнитура Book Antiqau. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»
664011, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

Отпечатано в ООО Оперативная типография «На Чехова»,
г. Иркутск, ул.Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@print.irk.ru www.print.irk.ru